Бунт османской Золушки

Автор:
Наталья Андреева

Бунт османской Золушки

Наталья Вячеславовна Андреева

Турция, 1640 год. Восемнадцатым султаном огромной Османской империи становится Ибрагим по прозвищу Дели – безумный. Среди его странностей любовь к толстым женщинам. По приказу султана к нему во дворец свозят самых пышных красавиц. Так в гарем попадает необъятная Ашхен. Еще раньше ее родной брат, красавец Баграт, сумел стать любимым пажом падишаха. Выросшие в нищете, брат с сестрой мечтают о богатстве и власти. Для этого надо прибрать султана к рукам. Но как, если его поступки непредсказуемы? И начинается захватывающая игра между жизнью и смертью… Сегодня ты идешь по Золотому пути, а завтра твой труп могут вынести из дворца через Ворота Мертвых. Чем же все закончится для Шекер Пара и ее брата? Ведь у них так много врагов…

Наталья Вячеславовна Андреева

Бунт османской Золушки

© ООО «Издательство АСТ», 2022

© Андреева Н., 2022

Золотая дорога

* * *

– Ну что, принес? – и толстая белокожая девочка с необычайно яркими зелеными глазами жадно выхватила из рук младшего брата яблоки, такие же наливные и румяные, как ее щеки.

Белоснежные зубы тут же впились в мякоть плода, брызнул сок, намочив рубаху. Девочка ничего не замечала. Она ела. Она всегда была голодна.

– Отцу опять нажалуются, – десятилетний мальчик развалился на траве рядом с сестрой. Здесь, в саду, была густая тень, прохлада и тишина. Глаза, такие же большие и зеленые, как у сестры, были отчаянные, с золотыми искорками смеха, несмотря на то что лицо и руки ребенка все были в царапинах. Самая глубокая, на щеке, до сих пор кровоточила. – Меня почти догнали. Дядя Ашот кричал: – «Баграт, щенок, я тебя узнал!»

– Выпорют тебя, – и девочка, поколебавшись, протянула брату одно из яблок: – На. Ешь.

– Не хочу, – Баграт перевернулся на спину и мечтательно посмотрел в небо.

Жара. Ни облачка. Солнце сегодня такое яркое, что смотреть на него больно. Баграт невольно прищурился. Огромные ресницы затенили его необычные глаза, словно туча опустилась над морем. И они стали такие глубокие, что в них теперь запросто можно было утонуть.

– Как можно не хотеть есть? – искренне удивилась его сестра. – Мне еды всегда не хватает. А теперь у нас мяса долго не будет, – пожаловалась она. – Девширме. Они пришли, янычары за живой данью. Отец весь год собирал деньги, чтобы они не забрали тебя и Акопа. В прошлый раз тебе было только семь, и тебя не трогали. А теперь надо платить за двоих. Зато в следующий раз Акопу уже будет девятнадцать. Он станет крестьянином, как и отец, – презрительно сказала девочка. – И уже навсегда останется здесь, в нашей глухой и нищей деревне. Зато за тебя кади со священником могут попросить двойную плату. Ты самый красивый мальчик во всей нашей округе. Янычары всегда забирают самых красивых и сильных.

– Мать велела мне прятаться, – Баграт лениво перевернулся на бок и со злостью посмотрел на сестру. – А я не хочу прятаться! Я хочу, чтобы мне дали саблю! Я их всех порублю на куски!

Он вскочил и, схватив валявшуюся под деревом палку, стал ей размахивать:

– Выпад! Удар! Я вам всем головы срублю, проклятые турки! – он замолотил палкой по нависшим над сестрой густым зеленым веткам. Ей за шиворот посыпались листья.

– Баграт! Прекрати! – взвизгнула девочка. И отползла подальше, не выпуская из рук ворованных яблок. – Сядь, я тебе что-то важное скажу.

Брат отбросил палку и сел рядом с ней на траву:

– Чего ты хочешь? Еще яблок? Или мяса? – спросил он насмешливо. – Я знаю, тебе хотелось бы съесть долму. Целое блюдо долмы, – сказал он мстительно. – И кюфту. А еще пахлаву… Всю пропитанную медом, такую сладкую, что голова закружится от одного только запаха…

– Замолчи! – девочка тоже умела сверкать глазами. Она сглотнула слюну и опять впилась зубами в яблоко, чтобы избавиться от чувства голода, которое мучило ее постоянно.

– Я ничего из еды не могу тебе принести, – насмешливо сказал Баграт. – Только яблоки, и их я своровал. Так что ты всегда будешь ходить голодной.

– Нет! Я знаю, где взять еду!

– И где? – Баграт стал серьезным.

У него был старший брат и еще три сестры, но он почему-то привязался именно к Ашхен. Она была не такая, как все другие дети. Очень умная, не по годам и хитрая. Из-за своей полноты она не любила работать, ленилась помогать матери по хозяйству и необычайно много ела. Родители то и дело на нее покрикивали и считали обузой.

– Господи, как же ее замуж-то выдать! – ужасалась мать. – Никто ведь не возьмет за себя нашу Ашхен! Она слишком толста и ничего не умеет и не хочет делать. Только есть она хочет целыми днями. Как такую прорву прокормить? Ашхен нас разорит, Гаспар!

Отец лишь головой качал: права жена, во всем права. Шесть детей у них, старший, Акоп, уже помощник отцу, трудится наравне со взрослыми в поле, Седа и Шагане помогают матери по дому и на кухне, дочки старательные, Нана на них не нарадуется. Баграт красавчик, к тому же ловок и силен. Гордость отца, любимец матери. Карине еще малютка совсем.

А вот Ашхен – проклятье их большой и дружной семьи. Что делать-то с ней? Одиннадцать лет уже девчонке, а ни к чему она не приспособлена. Обжора и лентяйка. Ростом уже, как ее старшая сестра, несмотря на то что на четыре года младше. А уж по толщине Ашхен давно уже всех в их семье обогнала!

Тем не менее Баграт замечал, как отец посматривает на Ашхен с опаской. И тайком от матери отдает ей свою еду. Ей все отдают кто сладости, кто половину лепешки, кто фрукты. Будто Ашхен собирает с родственников дань. Баграт давно уже заподозрил какую-то тайну. И невольно потянулся именно к Ашхен. Он стал воровать для нее яблоки и хурму у соседей, не брезговал заглянуть и на чужую бахчу, чтобы сестренка полакомилась медовой дынькой. Набеги Баграта на чужие земельные наделы не остались незамеченными, но он на все был готов, лишь бы проникнуть в тайну Ашхен.

И вскоре понял: она очень хитрая. И умная. По-своему красивая, единственный ее недостаток – это чрезмерная полнота. Но у сестры уже есть и грудь, белая, пышная, и талия довольно тонкая, и крутые бедра, фигура у Ашхен похожа на песочные часы. Это необычайно волновало Баграта, он даже пытался подсматривать за старшей сестрой, когда она мылась в бане. За что получил от отца подзатыльник.

– Еще раз посмеешь это сделать – выпорю, – пригрозил тот.

Но Баграт уже успел заметить, что кожа у Ашхен гладкая-прегладкая и кипенно белая даже летом, в жару, потому что девчонка ленилась и предпочитала днем лежать в саду, в тени деревьев. Жаловалась, что двигаться на жаре ей тяжело, голова, мол, болит. Ашхен так искусно умела притворяться больной, что все ей

верили. Все, кроме Баграта, который сестренку давно раскусил. Но молчал, потому что Ашхен уж очень ему нравилась. У нее были густые и пышные каштановые волосы, отливающие медью, а глаза такие яркие и огромные, что, будь их обладательница стройна, как газель, она по праву считалась бы первой красавицей не только в их деревне, но и в окрестностях. Уже бы сватов засылали.

Но обжорство Ашхен уже вошло в деревне в поговорку. Равно как и необычайная толщина. Никто не в силах был Ашхен прокормить, крестьяне в их местности жили бедно. А тут еще налоги стали расти, султан Мурад все силы государства истощил в непрекращающихся войнах. О его кровожадности говорили с ужасом, народ прозвал его Мурадом Кровавым. За это его Аллах и наказывал, не посылая султану наследника. От злости Мурад умерщвлял своих единокровных братьев и почти уже истребил их всех. А недоумка Ибрагима, самого младшего, держит взаперти, в особом павильоне, именуемом Клеткой. По слухам, прислуживают несчастному глухие и немые евнухи, так что ущербный от рождения шехзаде и вовсе тронулся умом.

Спаси нас, Аллах! – вздыхают турки. За все сполна платят ремесленники и крестьяне, и за войны султана, и за его жестокость…

– Слушай, что я тебе скажу, Баграт. Сядь ближе, – Ашхен подвинулась, давая брату место рядом с собой, в густой тени.

– Ну? – он примолк и насторожился. Когда у Ашхен такое лицо, как сейчас, надо слушать в оба уха. Она может выдать ненароком свой секрет. А Баграт не сомневался в том, что он есть.

Ашхен доела яблоко и тут же принялась за другое. Пока у нее была еда, она жевала не переставая. Баграт терпеливо ждал.

– Что хорошего в том, чтобы быть крестьянином? – вздохнула Ашхен, отложив оставшуюся половину яблока, чтобы оттянуть удовольствие и заинтересовать разговором брата. И посмотрела на него обволакивающе, загадочно своими огромными глазами, словно затягивая в зеленый омут. Баграт притих. – Все достанется Акопу, он старший. А что ждет тебя, Баграт? Тебе никогда не дадут оружие и коня, ты не пойдешь на войну. Будешь до самой смерти пахать землю и рано состаришься, как наш отец. Посмотри – у него седые волосы и морщины.

А янычары, которые вчера приехали сюда на горячих конях, все как один сильнее него, хотя многие даже старше. Отец же никогда отсюда не выберется и не разбогатеет. И что хорошего в такой жизни?

– А ты никогда замуж не выйдешь, – мстительно сказал брат. – Тоже будешь работать, матери помогать, пока она совсем не состарится и не умрет. Сестры все выйдут замуж, они не такие красивые, как ты, зато худые и работящие. К Шагане уже сватались. Осенью, после сбора урожая, сыграют свадьбу.

– Я не хочу здесь оставаться, в глухой деревне, – Ашхен передернула толстыми белыми плечами. – Такая жизнь не по мне. Хочу целыми днями нежиться в тенечке, в саду, где пахнет розами, в шатре, на мягких подушках, ничего не делать, только есть и пить щербет. Носить шелка, и чтобы вокруг меня была куча служанок. Хочу много денег, потому что на них можно купить много еды.

– И где же ты их возьмешь? – насмешливо спросил Баграт.

– Когда в следующий раз янычары придут за кровной данью, – Ашхен придвинулась к нему вплотную, – ты не прячься, как мать тебе велит, а сам иди к кади. Скажи ему, что хочешь стать мусульманином…

– Ты спятила, что ли? – Баграт грубо оттолкнул сестру. – Чтобы я предал нашу веру?!

– Христиане всегда будут людьми второго сорта в Османской империи, – по-взрослому сказала Ашхен. Где-то она это услышала, а она все быстро схватывала и запоминала. – А ты, Баграт, навсегда останешься крестьянином, если не сделаешь, как я скажу. Нищим крестьянином. Золото сейчас есть только у янычар. О! У них полные карманы золота, ты сам видел! Вот у кого жизнь на зависть! Ты можешь стать благородным эфенди, если тебя заберут янычары. У тебя будет конь, горячий и быстрый. И острая сабля. Через три года они опять придут за живой данью. Девширме. Мы, иноверцы, должны отдавать им своих мальчиков, чтобы нас не трогали.

– Но мне ведь сделают обрезание, – поежился Баграт. – Говорят, это очень больно.

– Не больнее, чем порка, которая ждет тебя сегодня, – насмешливо сказала Ашхен. – Дядя Акоп наверняка уже нажаловался отцу. А ты… ты даже сможешь стать пашой, если будешь меня слушаться. И если я стану главной султанской наложницей…

– У султанов не бывает толстых наложниц! – расхохотался Баграт. – Кто тебя возьмет в гарем, дурочка?

– Султаны сами не знают, чего хотят. Откуда бы им это знать, когда у них с детства есть все, что только можно пожелать? – рассудительно сказала Ашхен. – Султан наверняка захочет попробовать то, чего никогда раньше не пробовал. Например, самую толстую наложницу. И ты сделаешь так, что это буду я.

– Как, интересно, я это сделаю? – пробормотал Баграт.

– Ты маленький еще, – снисходительно сказала Ашхен. – Вот что я тебе скажу: за эти три года учись читать и считать, прилежно учись. А еще раздобудь Коран. Укради его, если надо будет, как ты украл эти яблоки, – она жадно доела яблоко, которое все еще держала в руке. – Порадуй кади. Он расскажет о тебе аге, который будет главным у янычар, которые приедут к нам за данью. Вот, мол, какой смышленый мальчик и хочет послужить султану. Ага расскажет еще кому-нибудь, в столице. Ты красивый и сильный. Тебя обязательно возьмут во дворец. Ты очень красивый, Баграт, – льстиво сказала она. – И если ты будешь меня слушать и советоваться со мной, у нас всегда будет еда и много денег.

Баграт задумался. Он и сам не хотел быть крестьянином и покорно тянуть лямку, как его отец и старший брат. Баграт хотел быть воином. Он был рожден воином. Сильный, смелый и ловкий, Баграт грезил об оружии, которое утроит его силу и сделает непобедимым. Ашхен права. Крестьянам, да еще неверным, оружие не положено. Они овцы, с которых стригут дань. Баграт не хотел пахать землю, он хотел воевать. Но сначала…

Он хитро посмотрел на сестру:

– Хорошо, я украду где-нибудь Коран, и ты меня научишь, как его читать. Ты умная, я знаю, что ты прежде сама научишься, как учишься всему. Но взамен скажи мне свою тайну?

– Какую тайну? – удивилась Ашхен.

– Почему отец отдает тебе свою еду? И не только он. Я видел, как мать подкладывает тебе в тарелку лучшие кусочки. А вслух говорит, что ты обуза и всех нас объедаешь. Но я вижу, как они на тебя смотрят, наши родители. Они тебя почему-то боятся. А вчера Седа украдкой, когда отвернулась мать, спрятала в кармане фартука лаваш. Она ведь тебе его отдала. В чем твой секрет? Скажи, – Баграт требовательно посмотрел на сестру.

Она вздохнула и с сожалением вытерла о траву липкие руки. Еды больше не было. Баграт еще ребенок. Но, с другой стороны, он самый умный из всех ее сестер и братьев. Не такой, конечно, умный, как она сама, но с другими и вовсе каши не сваришь.

– Вечером, когда все засыпа?ют, я тайком поднимаюсь на крышу. Лежу и смотрю на звезды, – мечтательно сказала Ашхен. – Они такие красивые. Я лежу очень тихо и мечтаю о жареном гусе или о барашке на вертеле. Чтобы он весь, целиком, достался мне…

– Я спросил…

– Не перебивай. Не только я не сплю по ночам. Наша соседка, вдова Айше, тоже не спит. Я видела, как ночью через забор перелезает отец. И идет к ней в дом.

– Он ей помогает, она ведь вдова.

– Тогда почему они раздеваются донага?

– Ты видела отца голым?!

– И его, и ее. Я ведь тоже могу перелезть через забор.

– Ты?! Через забор?!

– Баграт, я просто мало двигаюсь. Что толку двигаться без всякой пользы? Но для того, чтобы узнать кое-что интересное, к примеру о нашем отце и вдове Айше, я готова и через забор перелезть, – насмешливо сказала Ашхен. – Хоть мне

было и тяжело, но зато я подсмотрела кое-что интересное. Они сначала трогали друг друга везде, а вдова стонала, будто ее пытают, но отца не отпускала. Она вцепилась в него и изо всех сил тянула на себя, в себя… – Баграт тяжело задышал. – Я знаю: они делали детей. Мама больше их не хочет, я слышала, как она говорила это отцу. А вдова Айше, видать, хочет. У нее-то ребеночка нет. Я сказала отцу, что видела его ночью в доме у соседки. И что они были голые. Он просил не говорить об этом матери. И отдает мне за молчание часть своей еды.

– Но почему тогда мать отдает тебе свою еду?!

– Потому что я ей все рассказала. Мне очень хотелось есть, – пожаловалась Ашхен. – Мать напекла лепешек, но не давала их мне. Я знала, что у нее и мед есть. Я продала ей папину тайну. За горячие лепешки с медом.

– Но тогда отцу больше не нужно твое молчание!

– Зато оно нужно матери. Она просила меня никому больше об этом не говорить. Она давно все знает, Баграт. И про вдову Айше, которой помогает отец, и про другую вдову, которой он помогал раньше. Эти взрослые такие странные. Отец не знает о том, что мать все знает, а она не хочет, чтобы отец знал об этом. Что она все знает.

– Я ничего не понял!

– Вот потому тебе и нужна будет моя помощь, чтобы стать пашой. Я-то все поняла. У каждого есть тайна, и он уверен, что ее не знают другие.

– А Седа? О чем она тебя просила?

– Как и все: молчать. Молчание – вот главное золото, Багратик. Тот, кто все знает и молчит об этом, тот и богат. Сестра украла ленту у Шагане, а я это подсмотрела. Я слежу за всеми, вдруг да увижу что-то интересное? Шагане ведь собирается осенью замуж, – равнодушно сказала Ашхен. – Ей надо быть красивой, и мать дает ей немного денег, чтобы она украшала свою шапочку и фартук. Чтобы ее на празднике заметили, ведь это может быть зажиточный крестьянин. А Седе денег не дают, но она тоже хочет поскорее выпорхнуть из дома. Вот она и украла ленту, из зависти. Но Шагане дурочка, ей никогда не выйти замуж за богатого, хоть и с лентами, – презрительно сказала Ашхен.

– Но почему ты ей не поможешь своими советами, как ты помогаешь мне?

– В ее доме мне все равно не будет места. Ты, братик, прав: мне не выйти здесь замуж. А незамужняя старшая сестра – это нахлебница и приживалка. Я хочу уехать в Стамбул. Судьба Шагане мне совсем не интересна. Здесь сестра родилась, здесь и состарится… Она, но не я, ты понял, братишка?

– Баграт! – раздался в саду грозный крик отца. – Где ты, Баграт?! Живо сюда!

– Помни, что я тебе сказала, – Ашхен торопливо встала.

– Заступись за меня! Ведь отец тебя боится! Он послушает тебя!

– Еще чего! Тебе ведь предстоит обрезание, – Ашхен показала брату язык. – Учись терпеть боль. Ее будет много, мой маленький братик. Но это хорошо. Без боли тебе никогда не стать настоящим мужчиной. А мне не нужен нытик и слабак.

– Баграт!!!

Он смотрел, как Ашхен торопливо уходит в дом. Теперь он знал ее тайну. Отныне это их общая тайна. Они оба хотят во дворец султана. У которого вся власть и все деньги. Чтобы разделить с ним и власть, и эти деньги.

Три года спустя…

Идут… Они идут!!! Палачи… Он ясно слышал их шаги, хотя палачи не ходят, а крадутся. Но за много-много лет, он уже и не помнил, сколько их прошло с того дня, как его заточили в эту золотую клетку, Ибрагим научился слышать, как под окном крадется за добычей на своих мягких лапках дворцовая кошка. С того самого дня он не спал, а лишь дремал, ценя каждую минуту своей жизни, которая могла оборваться в любой день, в один миг…

Палачи с шелковыми шнурами, потому что ни капли султанской крови, крови правящей династии, не должно пролиться ни на землю, ни на мягкие ковры, устилающие пол Кафеса, – вот его смертельный страх. Леденящий и убивающий мозг и душу. Он давно уже разучился спать, поэтому его воспаленный мозг теперь чутко реагировал на каждый шорох…

И в самом деле идут! Они даже не таятся! От звука их шагов у него заложило уши. Дико заболела голова. Он затрясся, сполз с кровати на пол и, стуча зубами, отполз в самый дальний и темный угол своей золотой клетки. Это идет его смерть!!!

Но потом опомнился и вскочил. Еще хотя бы минуту… Лишнюю минуточку жизни… И он торопливо, задыхаясь и покрываясь потом от натуги, потащил к дверям тяжелый кованый сундук. Отчаяние удесятеряло его силы. За сундуком последовал диван, а после почти уже бьющийся в припадке шехзаде лихорадочно стал сдирать с пола своей золотой клетки мягкие ковры. И наваливать их на диван, на сундук, приставленный к двери, чтобы заглушить эти страшные шаги в гулком дворцовом коридоре. Шаги его палачей.

– Да здравствует восемнадцатый султан Великой Османской империи Ибрагим хазретлири первый!

– Слава султану Ибрагиму!

– Слава!

Он захохотал: врете! Вы меня не обманете! Вы хитрые, но я хитрее!

– Откройте, о великий султан!

– Повелитель, примите нашу клятву верности!

Он с трудом заполз под свисающий с сундука ковер, спрятав под ним голову, сжался в комок и зажал ладонями уши. Еще хотя бы минуту…

– Ибрагим, сынок, открой!

Мама?! И она с ними заодно?! Предательница! Вокруг одни предатели!

– Убирайтесь! Я хочу жить! Жить!!!

– Сынок, ты будешь не только жить, но и править! Твой старший брат Мурад только что скончался. Теперь ты султан. Восемнадцатый султан Османской империи.

– Слава новому султану!

– Слава Ибрагиму хазретлири!

– Врете! Вы хотите, чтобы я вышел! Но я не выйду! Нет! Потому что вы меня убьете!!

За дверью затихли. Потом он услышал, как мать спросила у его палачей:

– Что будем делать? Не ломать же дверь. Он теперь правитель. Наш султан.

– Как прикажете, валиде. Дверь надежная, но сломать ее можно.

Мать молчала, видимо, раздумывала. Кёсем-султан недаром столько лет держала империю в своих маленьких, но цепких руках. Она была очень умной, его мать. Умной и хитрой. Ибрагим насторожился. Мать сейчас попытается его обмануть. Так и есть: она заговорила вкрадчиво, как в детстве, когда убаюкивала его, еще малыша:

– Ибрагим, сыночек мой, выйди к своим подданным. Мы все коленопреклоненно ждем, когда новый султан объявит нам свой сиятельный лик. Отныне мы все верны тебе и готовы тотчас исполнить любой твой приказ.

– Тогда принесите мне труп моего брата! Если вы не врете и он и в самом деле умер!

За дверью зашушукались. Он ясно слышал каждое слово, с его тонким слухом ничей другой во всем огромном дворце не мог сравниться. Они и в самом деле говорят о Мураде. Что он умер. Лжецы!!!

– Сынок, ты что, не веришь мне, своей матери?

– Нет!

– Что делать, Кёсем-султан?

– Несите моего сына. Мурада.

– Но…

– Вам приказывает сама валиде-султан! Живо!

Он услышал в коридоре топот ног. Часть из тех, кто толпился под его забаррикадированной изнутри дверью, удалилась. Он затаился под душным ковром, слушая дыхание матери. Она взволнованна. Но не зла. Мама…

Как же хочется прижаться к ее груди! Мама, мамочка… Он отогнал от себя эти трусливые мысли. Там, где его мать – там смерть! Сколько его единокровных братьев умерло, пока правил старший, Мурад? О, жестокое чудовище! Мехмед… Баязид… Сулейман… Или Мехмеда задушили не по приказу Мурада? Это было гораздо раньше, когда правил Осман. Их сводный брат.

Ибрагим уже этого не помнил. Много лет с ним никто не говорил. Евнухи, немые и глухие, прислуживавшие ему, были похожи на тени. Тени с того света, куда он, шехзаде Ибрагим, мог отправиться в любой день, в любую минуту…

– Повелитель, взгляните. Под вашей дверью лежит ваш старший брат, султан Мурад. Он мертв.

Ибрагим заколебался. А вдруг они не врут?

– Отойдите все! Выйдите на улицу! Только тогда я открою дверь! И не вздумайте меня обмануть! Я слышу всё!

Он ждал, пока они все уйдут, чутко прислушиваясь. И лишь когда убедился, что коридор перед дверями его золотой клетки пуст, стал оттаскивать от нее

сундук.

Султан Мурад и в самом деле лежал под дверью. Ибрагим не сразу вышел из своей тюрьмы. Какое-то время он думал, что брат притворяется. Решил его обмануть. Но Мурад не двигался и не дышал. Ибрагим, вжимаясь в дверь, чутко прислушивался, но дыхания брата не слышал. Мурад по-прежнему был огромен и ужасен. Но непривычно тих. Кровавый султан Мурад IV.

Умер?!

Ибрагим наконец вышел из клетки, комнаты с зарешеченными окнами, в которой его насильно держали с двух лет, и тронул тело брата острым носком своей домашней туфли. Мурад не шевелился. И тогда разозленный Ибрагим пнул его ногой, потом еще раз и еще. А после этого прыгнул на труп своего брата и яростно стал молотить по нему ногами…

– Ибраги-им!!!

К нему бежала мать.

– Стой! – заревел он. – Я, султан Османской империи, приказываю тебе: остановись!

И мать замерла, не осмелившись приблизиться к нему. Именно это его и убедило окончательно. Всесильная Кёсем-султан повинуется его приказам! Значит, он главнее! Он самый главный теперь во всей этой огромной империи! Повелитель!

Ибрагим хазретлири первый!

* * *

– Багра-ат….!!! – стонущая мать упала на колени и протянула к нему руки. – Сынок!!! Не-е-ет!!!

Он дернулся, было, но словно споткнулся о презрительный взгляд Ашхен. И, гордо вскинув голову, отвернулся. Только что староста, священник и кади

записали его имя в реестр. Баграт отобран по системе девширме. Теперь ему сделают обрезание и дадут другое имя, мусульманское. И увезут в Стамбул.

Кади был необычайно доволен: мальчик умеет считать и писать! И даже читал Коран! Душа неверного сама потянулась к свету истиной веры. Надо будет отправить письмецо с агой в султанский дворец, чтобы этого тринадцатилетнего мальчика выделили особо. Он очень уж смышленый. И сильный. Из таких и получаются полководцы, паши и даже великие визири. Сколько их, отобранных так же, как и Баграт, по девширме добрались до самой вершины власти! И женились на сестрах султана, на госпожах. У мальчика большое будущее, если ему помочь. И довольный кади взялся за перо. Наконец-то он отправит в султанский дворец истинный алмаз. Неграненый пока, но дворцовое воспитание отшлифует характер мальчишки, и бывший Баграт превратится в настоящий бриллиант.

Ашхен была довольна. Мучило ее одно: только бы брат ее не забыл! Не оставил бы гнить здесь навсегда, как других своих сестер и братьев. Ведь это она подсказала ему путь к успеху.

Краем глаза она глянула на убитых горем отца и мать. Глупцы! Какой судьбы вы хотели для любимого сына? Прозябания здесь, в деревенской глуши, рядом с вами, простыми крестьянами, да еще и неверными? Вас в любой момент могут согнать с этой земли, уничтожить, обратить в прах. И только сильный сын, сумевший сделать карьеру в столице, сможет вас защитить. А вы ревете, будто он умер.

… Баграт уезжал. Она даже не знала, какое имя дали ему, обратив в мусульманство. С того самого дня, как кади записал Баграта в реестр как новообращенного по девширме мусульманина, мальчик больше не виделся со своей семьей. Потому что у него теперь другая семья: турки, янычары. О прошлой жизни ему надо поскорее забыть, с ней рвут раз и навсегда.

Баграт уезжал из их глухой деревни по дороге, которая наверняка будет выстлана для него золотом и покрыта славой. Ашхен об этом позаботилась. Три года она натаскивала брата, уча его интригам. Султанский дворец – это логово, где кишат ядовитые змеи. Противоядие одно: самому научиться жалить. И упреждать укусы гадюк.

– Мальчик мой, Баграт… – стонала мать, которая от горя слегла. Бесконечные роды ее подкосили. Шестеро детей выжило, трое умерло. Баграт, любимчик, красавец, отрада материнской души. И вот его забрали, увезли.

Гаспар боялся, что его Нана так и не оправится. В их дом пришло горе.

Девширме…

Господи, как это пережить? Как?!!

Четыре года спустя

В спальне у падишаха стоял удушливо-мускусный запах. Он витал во всех коридорах и галереях похожего на запутанный лабиринт огромного гарема, в убогих комнатах для рабов и в роскошных покоях у фавориток, в общей спальне многочисленных султанских наложниц и там, где жили неприкасаемые, его жены, оседая на плотных, непроницаемых для солнца занавесях и мягких ворсистых коврах. Вился из окон, мешаясь с ароматом цветущего сада, и даже в просторном дворе валиде, всесильной матери султана, никуда от него было не деться.

Но особенно густым и стойким этот запах был там, куда мечтали попасть сотни томящихся за толстыми стенами красавиц. Там, откуда путь лежал к несметному богатству и безграничной власти. Сам этот запах был запахом денег, их ежедневно сжигалось несметно, улетало в воздух, но такова была воля падишаха. Султан Ибрагим повсюду велел поставить курильницы, и жгли в них одну-единственную серую амбру. Пряный и сладкий одновременно, опьяняющий и возбуждающий, ее аромат вводил в транс не только самого султана. Казалось, все вокруг находились под гипнозом. И безумствовали, забыв о приличиях.

Сегодня снова был черный день. У султана случился очередной приступ. Валиде, всесильная Кёсем-султан, была изгнана из покоев сына. Ибрагим метался на ложе, ревя как зверь. Ему снова чудились кошачьи шаги палачей, и шелковый шнур впивался в нежную кожу султанской шеи, под самый кадык. Ибрагим хрипел и задыхался, сучил ногами и молотил руками по шелковому покрывалу:

– Джинджи!!! Пусть он придет! Где мой наставник?! Джинджи-и… сюда-а… – молил падишах.

Кёсем-султан кусала губы от злости. Влияние Джинджи-ходжи, которого Кёсем сама когда-то привела во дворец, отчаявшись приобщить единственного оставшегося в живых сына к обществу женщин, чтобы заполучить наследника великой династии, неумолимо росло с каждым днем. Казалось, вся султанская казна постепенно перетекает в бездонные карманы этого то ли святого, раз он ходжа, то ли мага, обладающего гипнозом. Джинджи-ходжа – злой гений, без которого султан Ибрагим не садился теперь в карету и не выходил даже в сад, на прогулку.

– Валиде, как быть? – угодливо склонился перед Кёсем-султан кизляр-ага, глава всех евнухов и второй человек в гареме. – Повелителя опять мучают головные боли. У него припадок, – и черный как ночь великан понизил голос до шепота.

– Хорошо. Позовите Джинджи-ходжу, – сдалась валиде.

Высокий красивый ичоглан, любимец Ибрагима среди пажей, кинулся седлать коня. Джинджи-ходжу на днях изгнали из дворца. Он уезжал с надменной улыбкой. Ичоглан был уверен, что долго ему искать наставника султана не придется. Возможно, сам ходжа и наслал сегодня черное колдовство, чтобы Повелителю вновь почудились шаги палачей и к нему вернулись бы детские страхи.

– Следи в оба, понял? – велела пажу валиде, когда Джинджи-ходжа вошел в покои стонущего султана Ибрагима. – Я хочу знать, что он там делает, этот колдун.

Ичоглан незаметно скользнул в султанские покои. В одной из четырех огромных комнат стояло необъятное ложе, на котором навзничь лежал падишах. Ичоглан не стал туда входить, затаился в смежной комнате, кабинете. Ибрагим нуждался в любимом паже всегда, когда бодрствовал. И только ночью, пока султан развлекался с наложницей, у его ложа стояли черные служанки-эфиопки, держа горящие факелы. Ибрагим не выносил одиночества. Это была одна из его странностей.

Падишах наелся им досыта, пока жил взаперти, в Кафесе. Стоило Ибрагиму остаться одному, как он тут же думал о заговоре, который зреет за закрытыми дверями. И боялся, что его убьют. Толпящиеся вокруг слуги успокаивали Ибрагима: значит, он еще султан, коль все ищут его внимания. И еще он не выносил темноты, требуя яркого света и ночью. Однажды с рабыни, которая заснула и не уследила за факелами в султанской спальне, сняли кожу кнутом, заживо. Несчастная умерла не сразу, пытку то и дело останавливали, чтобы привести девушку в сознание, и от ее криков леденели все, кто жил в гареме. Ибрагим заставил и наложниц, и слуг если не смотреть, то слушать, открыв все окна во двор, где истязали эфиопку. Евнухи зорко следили за тем, чтобы девушки от них не отходили, пока длилась казнь.

Сам Ибрагим стоял на балконе и упивался этими криками. Его ужас был неописуем, когда он проснулся ночью в полной темноте. Будто в могиле. Его парализовало от страха, какое-то время султан и впрямь не мог дышать, и теперь Ибрагим нуждался в знаках своей безграничной власти. Поэтому он и заставил весь гарем смотреть на пытку.

С того дня черные служанки, похожие на тени, не покидали его покоев и ночью, то и дело меняя факелы. Ведь все рабыни были частью гарема. Так чего и кого стесняться?

Но днем их заменяли пажи. Их было много, человек сто, все они проходили обучение во дворце Топкапы, здесь же и жили, из них готовили дворцовую челядь. Вся османская знать мечтала, чтобы среди пажей были их дети, но проникали в Топкапы и безродные, взятые по девширме.

Любимец Ибрагима пользовался особыми привилегиями. Именно он передавал всей остальной челяди распоряжения повелителя, который выделял этого ичоглана среди всех своих слуг за отменную память и сообразительность. Поэтому на пажа давно уже перестали обращать внимание. Он стал тенью повелителя, его устами, а за пределами султанских покоев ушами и глазами падишаха.

Ичоглан, стараясь быть незаметным, внимательно следил за всеми действиями колдуна. И увидел, как Джинджи-ходжа развязывает свой мешочек.

– Что стоишь, ичоглан? – резко обернулся вдруг ходжа. Паж вздрогнул: у него глаза на спине, у этого черного колдуна! – Принеси кипяток!

– Какой чай прикажете заварить? – угодливо склонился юноша.

– Я сам! Принеси кипяток и отойди!

Ичоглан, слившись с тяжелой, сплошь расшитой золотом парчовой занавесью, жадно смотрел, как колдун кладет на крышечку заварочного чайника кусочек все той же серой амбры и льет через него кипяток. А в чайнике лежат какие-то травы, которые ходжа достал из своего заветного мешочка. Поплыл дурманящий запах, и паж невольно закрылся рукавом кафтана. Джинджи-ходжа поднес дымящуюся чашку к губам Повелителя. Когда султан выпил дурманящее зелье, ходжа достал веревку. Юноша принюхался: пахнуло чем-то горьким, вроде бы полынью.

Султан затих, а колдун, выпив зелья из того же чайника, вошел в транс и, раскачиваясь, принялся завязывать на веревке узлы и над каждым читать заклинание:

С первым узелком мое заклинание начинается…

Со вторым узелком оно сбывается…

С третьим узелком магия освобождается…

С четвертым узелком заклинание закрепляется…

С пятым узелком оно прорастает в плоть…

С шестым узелком к небу летит мое слово…

С седьмым оно закон…

С восьмым моя магия нерушима…

С девятым да пребудет со мной великая сила!

Завязав последний, девятый узел, ходжа дотронулся им до покрытого испариной лба султана. Ибрагим забился в припадке, застонал, потом откинулся на подушку, закрыл глаза и затих. Ичоглану показалось, что падишах уснул. Колдун

подул на узлы и неторопливо спрятал веревку обратно в свой страшный мешок.

– Когда повелитель очнется, он будет здоров, – торжественно объявил Джинджи-ходжа. – Я забрал с собой его страхи.

«Это сихр, – в ужасе подумал паж. – Колдовство, черная магия. Ходжа использует могущество джиннов! Недаром его называют Джинджи-ходжа! Запретная магия, дьявольская. Это великий грех! Валиде должна знать…»

Он отступил, согнувшись в низком поклоне и пряча от колдуна глаза, в которых застыл ужас. Ходжа стукнул согнутыми пальцами в массивную дверь, которую тут же услужливо распахнули перед ним стражники. Стоящая за дверью валиде протянула ходже мешочек с золотом.

– Храни вас Аллах, валиде, – в голосе ходжи была насмешка. – Надеюсь, мои покои все еще свободны? Ведь я Наставник Повелителя, мюдеррис в медресе Сулеймание и кади Галаты. Сиятельная валиде все еще нуждается в моих советах? – вкрадчиво спросил он.

Кёсем-султан через силу нагнула гордую и все еще красивую голову:

– Во дворце Топкапы вам рады, Джинджи-ходжа.

Когда колдун ушел, она резко повернулась к дверям султанских покоев:

– Исмаил!!!

И тут же из спальни раздался надтреснутый голос Повелителя:

– Исмаил!

Валиде отступила. Сегодня для нее был плохой день. Джинджи-ходжа опять победил. Но война была объявлена. Кёсем-султан никогда не отступала. Не собиралась и на этот раз. Любимый паж Повелителя ей поможет. Все любят золото, и мальчик не исключение…

* * *

– Принеси мне воды, Исмаил, – хрипло сказал султан.

Он долго и жадно пил, потом ичоглан аккуратно и нежно промокнул мягкой душистой тканью щеки и бороду султана.

– Какие приказания будут у моего повелителя?

– Я хочу женщину.

– Прикажете позвать Турхан-султан?

– Нет! Не ее! Она совсем помешалась на сыне! Только и говорит, что о мальчишке! Не будь он еще щенком, я приказал бы его задушить. Я знаю, мать и старшая хасеки хотят посадить на трон Мехмеда!

– Повелитель…

– Позови наложницу. Девственницу.

– Прикажете, чтобы ее выбрала валиде?

– Нет! Ты.

– Мне запрещено входить в гарем, о великий султан, – низко склонился паж.

– Да, я вспомнил… Кизляр-ага пусть выберет девушку и велит ее подготовить.

– Как прикажет повелитель, – ичоглан поклонился еще ниже и стал пятиться к дверям.

– Стой! – велел ему Ибрагим.

Паж замер.

– Иди сюда, – позвал его султан. Исмаил осторожно приблизился. Он увидел, что зрачки у повелителя расширены, отчего глаза его кажутся бездонными, как ледяные колодцы. Это действовал наркотик. Исмаил невольно почувствовал, как от страха леденеют руки. – У тебя красивое лицо. И голос приятный. Скажи, ты уже был с женщиной?

– Нет, повелитель. Я служу своему султану день и ночь.

– Сколько девушек наверняка об этом пожалели, – насмешливо сказал Ибрагим. – Вот тебе моя награда: я пришлю тебе одну из моих наложниц. Все равно я собирался ее казнить. Она была хороша, пока не стала дерзить. И перед смертью я ее награжу. Ты проведешь с ней ночь, она научит тебя всему. А ей есть чему научить девственника. А потом ты сам зашьешь ее в мешок и отдашь черным евнухам, которые бросят ее в Босфор. Сделаешь? – и султан требовательно посмотрел на юношу. – Подними глаза! Смотри на меня!

Ичоглан посмотрел на султана сквозь свои огромные и длинные ресницы, словно через паранджу, стараясь, чтобы его взгляд не был дерзким:

– Я сделаю все, что прикажет мой султан.

– Какие у тебя красивые глаза! Будь ты девчонкой, я бы тебя поимел. Впрочем, ты слишком уж тощий.

Ичоглан низко нагнул голову, погасив улыбку. Все знали о склонности султана к пышным женским формам.

– Ступай, – милостиво кивнул Ибрагим. – Завтра расскажешь мне, громко ли девчонка кричала, когда ее зашивали в мешок.

… Она кричала громко, но сначала от страсти. Наивная девушка вдруг подумала, что ее хотят отпустить. Выдать замуж, как это было заведено в султанском дворце, когда наложница наскучила Повелителю. И этот юный красавец, о счастье! Достанется ей в мужья!

Ей было всего семнадцать, глупышке. Маленькой девочкой ее привезли во дворец, где сделали из нее усладу для властелина, научив всем тонкостям

плотской любви.

Исмаил не сдерживал себя, главная ценность наложницы – ее влагалище влажное и узкое, несмотря на то что девушка давно уже не была девственницей. Рабынь султана тренировали часами, заставляя танцевать, не расплескав ни капли жидкости, впрыснутой во влагалище, и только сдав нелегкий экзамен, они бывали допущены к ложу Повелителя.

Любимый ичоглан султана тоже держал сейчас экзамен. Женские чары не должны быть сильнее преданности правящей династии. Чувствуя, как в нем взрывается очередной фейерверк, так что низкий потолок маленькой убогой комнаты становился похож на небо, усыпанное звездами, Исмаил старался не думать о том, что будет утром.

– Еще… еще… – стонала девушка, беспрерывно гладя его мускулистую спину и плечи и не стесняясь слезинок, то и дело катящихся по ее щекам. Слезы счастья от неимоверного наслаждения. Она первая у этого красивого юноши, который познал сегодня женщину. Разве можно такое забыть?

Он заставил себя смотреть ей в лицо, когда открыл загодя приготовленный мешок.

– Что это? – в ее светлых глазах застыл ужас.

– Полезай.

– Зачем? Не-ет… – она наконец поняла и упала на колени. И заплакала теперь уже от страха. Ее трясло. Из открытого кожаного мешка на девушку смотрела смерть. – Исмаил, спаси меня, спрячь! Султан ничего не узнает! Заплати евнухам, дай им золото! Я тебе все отдам! У меня много золота! Я хочу жить!

Он не выдержал и ударил ее в висок, сильно и точно, чтобы девушка потеряла сознание. Его учили таким ударам. После чего засунул ее в мешок и стукнул в дверь. Евнухи словно ждали. Исмаил понял, что за ним следили всю ночь. Он только что выиграл у судьбы главный приз: жизнь. Поддайся он мольбам султанской наложницы, в Босфор полетели бы два человеческих тела. И он сейчас судорожно рвал бы ногтями кожу, стоя на дне в затянутом мешке, набитом камнями, и пытаясь выбраться. А его легкие стремительно наполнялись

бы водой. Завтра о нем уже никто бы не вспомнил.

… Султан Ибрагим провел эту ночь гораздо хуже. Девушка, которую выбрал для повелителя глава черных евнухов кизляр-ага, Ибрагиму не понравилась. Она была слишком уж старательной. Как ее учили, едва войдя в двери султанских покоев, упала на колени и поползла к ложу, на котором возлежал правитель. После чего долго целовала край этого ложа, не решаясь припасть даже к одежде самого султана. Слишком робкая, слишком послушная. И тощая. Да, тощая, хотя наложница далеко не была худышкой. Ибрагим злился от того, что никто не хочет его понять, ни мать, ни кизляр-ага. Мол, женщине не обязательно иметь грудь. Вся ценность наложницы ниже пояса.

Там, как и всегда, было влажно и сладко. Хотя не так уж и влажно, напуганная девчонка не смогла сделать все так, как ее научили. Она боялась. Главным образом не угодить и лишиться возможности и дальше приходить на хальвет. А ведь ее подготовили. Ибрагим едва сумел кончить. Последнее время – это случалось с ним все чаще, не помогали даже проверенные средства из богатого арсенала Джинджи-ходжи.

Он привычно скосил глаза на толстую эфиопку, высоко поднявшую факел в изголовье султанского ложа. Та, словно обо всем догадавшись, выпятила пышную грудь. Султану нельзя брать черных наложниц, у членов династии кожа должна быть светлой, потому в такой цене европейки. Но Ибрагим предпочел бы сейчас чернокожую толстуху-служанку белобрысой девчонке, которая неумело изображала сегодня ночью страсть.

Она стонала так громко, что Ибрагим разозлился. Все ложь и притворство. В огромном дворце ему не с кем поговорить по душам, кроме Джинджи-ходжи. Султан давно уже не занимается государственными делами, с тех пор как мать и ходжа только и делают, что стараются его развлечь. Но делают они это скверно.

…– Ты можешь идти, – наложница поспешно встала, подхватив одежду, но тут же опустилась на колени и задом поползла к дверям, изо всех сил стараясь, чтобы повелитель не увидел ее округлые ягодицы.

Ибрагим отвернулся. Скверное утро. В душе пустота, страх ушел, но она ничем не наполнилась. А тело устало, но это не та приятная усталость, которая любое утро делает прекрасным. Скорее физическое истощение, причем напрасное.

Хоть бы она забеременела, эта девчонка, и этой ночью он, османский султан, потрудился не зря.

Как только наложница вышла за дверь, в султанских покоях неслышно появился огромный кизляр-ага. Двигался он удивительно тихо для своего роста и веса. Словно гигантская черная кошка. У него были вывернутые губы, на которые султан всегда смотрел с интересом: только чернокожие могут быть так уродливы. Огромный приплюснутый нос, маленькие глазки, зато массивный подбородок, и, слава Аллаху, ушей под чалмой не видно. Они, скорее всего, также уродливы.

– Повелитель доволен? – низко склонился кизляр-ага.

– Пошли ей подарок, – сквозь зубы сказал султан. – Если Аллаху будет угодно, родится еще один шехзаде.

– Бисмиллях! – воздел огромные черные руки кизляр-ага.

– Позови Исмаила. Он жив?

– Повелитель приказал избавиться от мальчишки, если он попытается сбежать вместе с наложницей…

– Ну? – Ибрагим нетерпеливо подался вперед.

– Он выдержал экзамен. Хотя… – кизляр-ага заколебался.

– Я хочу знать все! Говори!

– Он оглушил ее, перед тем как засунуть в мешок. Не смог слушать отчаянные крики женщины. Значит, сердце у мальчика еще не очерствело.

– Сколько ему?

– Семнадцать, Повелитель, – прошипел черный евнух, который ненавидел смазливого пажа.

– Пусть живет. Через год я устрою ему новое испытание. А пока позови его. У него красивое лицо и приятный голос. Я достаточно смотрел на тебя, моему взгляду надо отдохнуть, – и султан хрипло рассмеялся.

– Мое уродство смешит ваших наложниц, о Повелитель, – нашелся кизляр-ага. – Будь я красавцем, таким как Исмаил, разве вы смогли бы доверить мне гарем?

– А ты неглуп. Ступай. Пусть придет мальчишка. Хотя… Сегодня ночью он стал мужчиной. Я хочу спросить: каково это?

«Щенок напрасно думает, что все закончилось», – насмешливо подумал кизляр-ага, когда за ним закрылась дверь султанских покоев. Глава черных евнухов давно уже хотел избавиться от Исмаила. Султан явно выделял из всех своих пажей этого ловкого юношу и постоянно держал его при себе. Нельзя допустить, чтобы влияние Исмаила на Повелителя только росло.

«Если он глуп, то сейчас станет хвастать своей мужской силой. Евнухи старательно сосчитали, сколько раз женщина была удовлетворена. Повелитель давно уже испытывает неуверенность перед хальветом. Услышав о постельных подвигах своего пажа, султан разозлится. Исмаил сам выроет себе могилу».

Год спустя…

Голод, постоянный голод… Словно в желудке теперь живет злющая кошка, которая громко урчит и рвет его изнутри когтями. Больно, тошно, и во рту все время горько, там скопилась то ли голодная слюна, то ли желчь напополам с кровью. Ноги от этой боли подкашиваются, а в глазах темно. Сил нет, но надо работать, в доме теперь мало женщин, а работы для них не убавилось.

С тех пор как Баграт уехал с янычарами, на его семью обрушились беды. Умерла мать, сразу после окончания положенного траура сыграли свадьбу: Шагане вышла замуж в соседнюю деревню. Ее муж был намного старше, а свекровь и золовки злющие-презлющие. Ашхен жалко было смотреть на сестру, хоть она Шагане никогда и не любила. Но такой судьбы даже врагу не пожелаешь.

Шагане вся высохла как щепка, глаза погасли, работает день и ночь. Да еще и девочку родила, не сына. Муж недоволен, золовки покрикивают, свекровь шипит как змея. Глядя на старшую сестру, Седа замуж не торопится. Отец ворчит: лишний рот в доме. Хотя именно Седа после матери стала вести хозяйство. Да еще Ашхен приходится целыми днями трудиться несмотря на лень. Она даже похудела.

Она обернулась и торопливо сунула в рот горсть муки. Горько подумала: да разве этим наешься? Отец, похоже, заметил, но промолчал. После смерти жены он сильно сдал и уже не захаживает по ночам к разбитной соседке-вдове. В доме тоскливо, голодно и мрачно. Ашхен порою хочется утопиться. Кошка в ее желудке растет и с каждым днем становится все злее. Еще немного – и она разорвет Ашхен на части.

Она каждый день прислушивается: не раздастся ли топот копыт? А вдруг Баграт забыл о ней? Или его убили? За столько лет все могло случиться. Только одно и остается: кинуться в реку, чтобы утопить ненасытную кошку в желудке, а вместе с ней и себя.

Ашхен уже совсем потеряла надежду. Скоро и эта мука? закончится, еды в доме больше нет. Запасы кончились, до нового урожая их не хватило. Акоп выбивается из сил на своем наделе. Он женился, и его жена опять беременна. Денег им не хватает. Впрочем, кому их хватает? Поборами замучили. Неверные – плати`те. Или убирайтесь со своей земли. Она и не ваша вовсе, а султана.

В Османской империи все принадлежит султану и его семье! Люди, земли, богатства.

Она вздрогнула и просыпала муку на стол: за окном раздался грозный крик:

– Именем султана Ибрагима хазретлири! Открывай!

Ашхен нагнулась и торопливо стала слизывать муку со стола. Отец в ужасе закрылся руками:

– У нас больше ничего нет!

Дверь распахнулась от удара ноги: на пороге стояли янычары. Самый юный, высокий и стройный красавец, похоже, был у них главным. Его почтительно пропустили вперед.

– Именем повелителя, султана Османской империи. Собирайтесь! Живо!

Отец, шатаясь, шагнул вперед, потом без сил рухнул на пол и обнял колени красавца в роскошном кафтане:

– Эфенди, смилуйтесь! Мы нищие! Взять у нас нечего! Пощадите!

Ашхен вгляделась в лицо молодого господина. И вдруг увидела такие знакомые зеленые глаза. Потемневшие, в траурной рамке огромных ресниц, но по-прежнему невыразимо прекрасные. Такие глаза забыть невозможно. Она ахнула:

– Баграт!

– Женщина, на колени! – один из янычаров стал вынимать из ножен саблю. – Ты разговариваешь с ичогланом самого султана Ибрагима!

Брат даже голову не повернул в ее сторону. Надменно тронул носком сапога лежащего у его ног отца:

– Встань. Я велел тебе и твоим дочерям собираться.

– Папа, идем, – позвала Ашхен.

Она уже пришла в себя. Брат ведет себя странно, но, похоже, так надо. Он больше не Баграт, а…

– Исмаил-ага, прикажете нести их жалкий скарб в повозку? – один из слуг выступил вперед.

– Да, приступайте, – важно нагнул голову бывший Баграт.

Ашхен жадно пожирала его глазами. Одет по-турецки, кафтан дорогой, руки холеные, на среднем пальце правой – сверкающий перстень. За этот перстень можно купить весь их дом вместе с землей и его жильцами в придачу! А братик-то, похоже, преуспел! Вон у него сколько слуг! И янычары с ним. Ичоглан? Паж повелителя? Должно быть, любимый паж. Тот, кто по вечерам заводит в роскошные покои султанских наложниц. И первым видит утром улыбку повелителя. Исмаил же подает султану воду, когда тому хочется напиться. Повелитель доверяет этому пажу свою жизнь. Следовательно, Баграт, то бишь Исмаил, для султана бесценен.

Ашхен даже забыла о голоде.

– Это Баграт, – шепнула она на ухо отцу. И тут же зажала ему ладонью рот: – Молчи. Никто не должен его узнать.

Она обернулась и поймала взгляд брата. Он еле заметным кивком показал – в сад. Низко нагнув голову, Ашхен торопливо вышла из дома.

Она стояла в тени деревьев, все еще не веря. Неужели Баграт за ней все-таки вернулся?!

– А помнишь, как я воровал для тебя яблоки?

Она резко обернулась. Брат смеялся, сверкая белоснежными зубами. Как же он возмужал и похорошел! Эти тонкие черные усики, которые очень ему идут, а главное, эти зеленые глаза, такие необычные.

– Ба… Исмаил, так?

– Все правильно, – брат важно нагнул голову. – Любимый паж султана Ибрагима. Пока еще паж, – он сорвал травинку и прикусил ее белоснежными зубами. – Но я хочу большего, Ашхен. Дом… Ненавижу! Ты дала мне когда-то бесценный совет, и я понял, что тебя, сестра, стоит послушать. Ты мне нужна, – резко сказал Исмаил. – Надеюсь, ты сохранила девственность?

– Желающих жениться на ненасытной толстухе так и не нашлось, – усмехнулась Ашхен. – Я берегла себя для тебя, братик, согласно нашему уговору. Ждала,

когда ты представишь меня султану.

– Не все так просто, – нахмурился Исмаил. – Во дворце Топкапы идет самая настоящая война. Кёсем-султан ненавидит наставника повелителя Джинджи-ходжу. На власть самой валиде покушается Турхан-султан, мать наследника. Ну и глава черных евнухов кизляр-ага хочет усилить свое влияние на султана.

– А кому служишь ты? – с интересом спросила Ашхен. – Султану, валиде, главному евнуху или этому… как ты сказал? Джинджи?

– Я служу самому себе, – резко сказал Исмаил. – Но каждый из них думает, что я служу ему. Кроме кизляра-аги, который открыто меня ненавидит. И поплатится за это, – твердо сказал он.

– Я вижу, ты запомнил мои уроки, – сладко пропела Ашхен. В животе у нее предательски заурчало.

– Вы голодаете? – догадался брат. – Тогда поехали скорее. По дороге мы найдем харчевню, где можно будет подкрепиться.

У Ашхен раздулись ноздри от жадности. Как хорошо, что Баграт за ней вернулся!

– Акоп останется здесь, – сказала она. – Он по уши увяз в своем хозяйстве. Шагане замужем. А мама… Мама умерла. – Голос ее дрогнул.

Баграт на секунду помрачнел, но потом беспечно пожал печами:

– Все мы смертны. И я был на краю могилы. Знала бы ты, что мне пришлось пережить, пока я прозябал среди десятков таких же пажей, как нас муштровали, заставляли голодать и били палками, чтобы мы хорошо усвоили эту науку: угождай и пресмыкайся. Четыре года, Ашхен! Прежде чем меня заметил султан и приблизил. Хочешь властвовать в султанских покоях – забудь о чувствах. Хитрость и лесть – вот замена твоим чувствам, если хочешь выжить. Ты должна понять султана, прежде чем попадешь в гарем. Я попробую это устроить.

– Говорят, он сумасшедший, – поежилась Ашхен. – У него прозвище: Дели.

– Он не безумец, – усмехнулся Исмаил. – Джинджи-ходжа одурманивает его наркотиками, чтобы султан забыл о детских страхах. Он много лет провел в клетке, с немыми и глухими евнухами, и каждый день ждал палачей. Однажды шехзаде и в самом деле чуть не казнили. Он чудом остался жив. Но он не безумец, – повторил брат.

– Куда мы едем?

– В Стамбул. Надо поспешить. Я не могу надолго оставить дворец. Султан обо мне скоро спросит. И если меня не найдут, то мне лучше не возвращаться. Султан легко выходит из себя, и мне надо быть рядом, когда у него начнется новый приступ… Я купил вам дом, – небрежно сказал Исмаил. – И лавку. Отец будет торговать посудой.

– А когда…

– Мы расстанемся у стамбульских ворот, – жестом оборвал ее брат. – Слуга проводит вас в дом, который отныне ваш. Запомни: тебе шестнадцать лет. Бумаги я пришлю. На отца, тебя и сестер. Забудьте, кем вы были. И что я вам родня. Мы с тобой отныне чужие, поняла? Я буду тебе писать. Все мои письма сожги, – повелительно сказал Исмаил. Ашхен нагнула голову в знак согласия. – А сейчас иди собирайся. Не будем зря терять время.

…. Дом показался им огромным. Отец подавленно молчал.

– Почему Баграт не обнял меня, не прижал к своей груди? – пожаловался он. – Как чужой.

– Он больше не Баграт, – Ашхен довольно улыбалась. Впервые за три года она была сыта. Так сыта, что и смотреть не могла на еду. Хотя она прекрасно знала, что через час снова захочет есть. Она была ненасытна. – Забудь, что он твой сын. Скажи спасибо, что он сам об этом еще помнит. У тебя теперь большой дом, лавка. Седа может наконец выйти замуж. И мы можем нанять слуг. Баграту улыбнулась удача, папа. Но он должен быть осторожен. Во дворце полно завистников. Все зависит от повелителя, который сегодня милует, а завтра казнит.

– Спаси, Господи! – отец торопливо перекрестился.

– Если это же сделает Баграт, хоть и тайно, в своих покоях, его казнят, – жестко сказала Ашхен. – Даже у дворцовых стен есть уши. Поэтому если ты вдруг увидишь своего сына на улице, кланяйся как можно ниже. И не говори никому, что этот красавчик эфенди был когда-то сыном простого крестьянина.

Месяц спустя…

– Так ты говоришь, он одурманивает моего сына каким-то зельем? – валиде вот уже почти час допрашивала любимого пажа султана Ибрагима.

– А еще черное колдовство, сиятельная валиде, – понизил голос тот. – Но повелитель все равно недоволен. Даже чары Джинджи-ходжи уже не действуют. Ему нужна новая наложница. Та, которая заставит Повелителя забыть обо всем. И которая будет покорна вам, валиде, – вкрадчиво сказал Исмаил. – Турхан-султан давно не была в покоях повелителя. Султан ее больше не зовет. Мне кажется, время настало.

– Кого я только к нему не посылала! – раздраженно сказала валиде. – Дольше чем на одну ночь ни одна наложница в покоях у моего сына не задерживается. А Турхан-хатум настолько осмелела, что дерзит мне! Уже вообразила, что она валиде! Я на все готова, чтобы поставить ее на место! Говори!

– Я заметил, что Повелителю нравятся пышные женщины…

– Я таких к нему и посылаю! Не учи мать, мальчишка!

– Я лишь имел в виду, что султан заглядывается на одну из служанок, толстую эфиопку. Она похожа на слониху, сиятельная валиде.

– Немедленно убрать! Отослать в Старый дворец!

– Как прикажет валиде, – ичоглан склонился еще ниже. – Но склонность султана можно поощрить. Если приелись все блюда, которые подают к столу Повелителя, не подать ли что-нибудь экзотическое?

– Но под каким соусом, Исмаил? – валиде тоже умела шутить.

– В Старом дворце есть наложницы, которые знавали лучшие времена. Старухи, понимающие толк и в плотских утехах. Если бы вы позволили…

– Позволила что?

– Привезти этих старух сюда. А я уговорю султана выслушать их. Якобы они знают тайны еще его деда.

– Нет никаких тайн, – резко сказала валиде. – Надо рожать шехзаде, как это делала я. Много шехзаде. Главная ценность женщины – это ее дети.

– Так же думает и Турхан-султан, – осторожно намекнул Исмаил.

Валиде задумалась. Наконец она спросила:

– И ты можешь найти такую наложницу, которая привяжет к себе Повелителя и будет мне верна и покорна, как овечка?

– Вам стоит только пожелать.

– А ты неглуп, – она внимательно посмотрела на красавца ичоглана. – И что тебе нужно для этого, Исмаил?

– Деньги, сиятельная валиде. Только деньги.

– Возьмешь сколько нужно у моей казначейши. Ступай.

Исмаил хотел было уйти, но вошел слуга с докладом:

– К вам Фатьма-султан, госпожа.

– Пусть войдет. Скажи дочери, чтобы прикрыла лицо: здесь мужчина.

Когда вошла сестра султана, Исмаил отвернулся. Впрочем, сделал он это не слишком поспешно. Кёсем-султан частенько звала к себе любимого пажа Повелителя, делая Исмаилу щедрые подарки и добывая через него сведения о том, что происходит за закрытыми дверями султанских покоев. Валиде знала, что Ибрагим очень привязан к своему пажу и доверяет ему. Мать султана не могла этим пренебречь и всячески привечала Исмаила.

Выходя однажды из покоев валиде, он случайно столкнулся с Фатьмой-султан. Она была старшей сестрой Повелителя, уже не первой молодости и трижды вдова. Все ее браки были политическими. Мужей Фатьмы-султан казнили, что было у султанов в порядке вещей, великие визири в Османской империи менялись так часто, что, получив печать, они тут же делали схрон, пряча там золото и другие богатства, чтобы обеспечить своих детей.

Исмаил во время короткой встречи успел заметить, что тридцатилетняя Фатьма-султан все еще очень хороша. Она тоже задержала взгляд на стройном юноше. Исмаил неторопливо повернулся к султанше спиной, она также не спеша прикрыла густой вуалью лицо.

С тех пор они то и дело встречались в покоях у валиде. Исмаил даже подумал, что Фатьма-султан приставила агу, чтобы за ним следить. И когда валиде вызывала его, сестра султана тоже находила предлог для визита к матери.

– Что ты хотела, дочка? – Кёсем-султан встала для того, чтобы обнять дочь.

Исмаил успел бросить на Фатьму пламенный взгляд. И заметил, как ее глаза повлажнели от волнения, а пышная грудь поднялась. Она трижды была замужем за стариками и всех их тайно ненавидела, подчиняясь воле братьев, то и дело выдававших ее замуж. С Фатьмой никто не считался, султанши были во дворце Топкапы разменной монетой.

Красавец ичоглан взволновал Фатьму. Он был так молод и строен, с гладким, не испещренным морщинами лицом, а главное, у него были необыкновенные глаза. Зеленые, как море или как мятный щербет, который Фатьма обожала. Сладость и прохлада, нега и грезы. Все это обещали Фатьме прекрасные зеленые глаза юноши.

Но как бы им сблизиться? Есть лишь один способ: возвысить Исмаила до невиданных высот. Чтобы он стал пашой, ибо султанши могут выйти замуж только за пашу или бейлербея.

– Ступай, Исмаил, – повторила валиде. Она была озабочена тем, что услышала от любимого пажа своего сына.

– Я хотела взглянуть на новые ткани, мама, – Фатьма-султан откинула густую вуаль и уселась на низкий диван в ногах у матери. И подавила вздох: Исмаил ушел. Именно он интересовал Фатьму-султан, а вовсе не ткани и украшения.

– Я прикажу, чтобы их принесли, – оживилась валиде. Она была большой модницей.

– Кто здесь только что был? – как можно небрежнее спросила Фатьма.

– Ичоглан Ибрагима.

– Он часто у тебя бывает, – заметила Фатьма.

– Юноша неглуп и предан мне.

– Хорошие слуги на вес золота, – умненько заметила Фатьма.

– Его надо бы приблизить.

Глаза у Фатьмы вспыхнули, и она торопливо отвернулась, сделав вид, что закашлялась.

– Что с тобой дочка? – заволновалась валиде. – Позвать лекаря?

– Нет, не надо. Лучше пусть принесут мне мятный щербет.

– Ты успела заметить? – рассмеялась вдруг валиде. – Глаза у этого юного пажа такие же зеленые, как мятный щербет. Я уже стара и могу любоваться красивыми мужчинами без опаски разбить свое сердце.

– Мама, ты все еще молода и прекрасна! – горячо сказала Фатьма.

Кёсем-султан и в самом деле все еще оставалась очень красивой женщиной.

– Опасные глаза, – валиде внимательно посмотрела на дочь. – И сам он опасен, этот юноша. Но злого пса лучше посадить на цепь. На золотую цепь. И сделать его ручным… Ну, что там? – нетерпеливо спросила она. – Где торговка, что принесла во дворец ткани? Нам с дочкой нужны новые платья.

* * *

Исмаил брезгливо смотрел на одетых в черное старух, которые выглядели жалкими. Некогда всесильные султанские наложницы и жены, матери султанш и даже шехзаде, все они когда-то были в шаге от трона и власти. А теперь доживают свой век в Старом дворце, всеми забытые. Они бросают жадные взгляды на молодого и красивого султанского пажа, прикрывая свои сморщенные лица, не из кокетства, а чтобы и он задержал свой взгляд на закутанной в плотные ткани женской фигуре хоть ненадолго. Но их все равно выдают давно потухшие слезящиеся глаза.

– Вот золото, – Исмаил небрежно бросил на низкий стол тугой кошель. – Глаза старух жадно заблестели. Деньги могут хоть ненадолго скрасить их жалкое существование. – Будет еще, если вы сделаете то, что я скажу. Приказ валиде, – он увидел, как поежились старухи и плотнее закутались в свои одежды, словно бы их знобило.

Все они люто ненавидели Кёсем-султан, но и боялись ее. Ведь это ее сын, уже второй, сидел на троне. В отличие от них Кёсем аж дважды удалось стать валиде, хотя она также дважды успела пережить и опалу. Но Кёсем-султан была непотопляема, ее власть с годами только крепла. Исмаил знал, чем их запугать, этих паучих.

– Что от нас угодно валиде? – морщинистая рука, освобожденная от покрывала, потянулась к столу и жадно ощупала кошель.

– Повелитель жаждет новых наслаждений, – Исмаил тайком усмехнулся и вдруг ловко и точно швырнул на стол еще один тугой кошель с золотом. Тяжело

звякнули монеты, старухи оживились. – Скажите ему, что чем толще женщина, тем она слаще. И тем охочее до плотских наслаждений. Степень удовольствия зависит от толщины женщины. И султан обязательно должен это попробовать.

– А можно нам сначала взглянуть на эту наложницу? – спросила одна из старух, видимо, самая умная.

– Даже валиде ее еще не видела, – Исмаил тоже был неглуп. – Султан должен почувствовать себя охотником, а добыча пока прячется. Ее еще надо выследить. Плод, который сам упал в руки, переполнившись соком, не так сладок, как тот, что еще только зреет. И скрыт густой листвой. Жажда тем сильнее, чем дальше источник. И тем слаще вода из него, когда изнуренный путник находит наконец свой оазис.

– Речи твои так же красивы, как и твое лицо, – одобрительно сказала одна из старух. – А рука щедра. Мы исполним приказ валиде. Но захочет ли Повелитель нас выслушать?

– Это уже моя, а не ваша забота…

… Исмаил выжидал. Главным его врагом был сейчас даже не кизляр-ага, чьи ловушки были расставлены повсюду, а Джинджи-ходжа, главный поставщик султанских наслаждений. Повелитель все больше скучал и раздражался. И даже стал интересоваться государственными делами. Исмаил исподтишка наблюдал, как хмурится Повелитель и больше не зовет в покои своих жен. Хотя в ночь с пятницы на субботу он должен оказать одной из них внимание. И сделать женщину счастливой. Иначе по всей столице из гарема пойдут гулять слухи.

В этот вечер Джинджи-ходжа завел свою любимую песню о том, что слаще девственницы может быть только новая девственница и что в гареме Повелителя томятся ждущие его внимания юные красавицы. И вдруг султан вспылил:

– Ты надоел мне, старик! – Ибрагим швырнул в лицо наставнику чашку с остатками чая. У султана все чаще случались приступы бешенства. Джинджи не успел увернуться и закричал от боли: чай был горячий. – Что ж тебе не помогло твое черное колдовство? – насмешливо спросил Ибрагим, глядя, как лоб и щеки наставника багровеют от ожогов. – Какой же ты ясновидящий, если не смог

увернуться? А может, ты шарлатан? – ноздри султана гневно раздулись.

– Я помогу повелителю снять головную боль, – ходжа сделал попытку приблизиться к султану. Ибрагим отшатнулся:

– Вон!!! Мне противно твое лицо! Исмаил! Где ты?! Я хочу воды! Простой воды!

– Вам лучше удалиться, ходжа, – еле слышно сказал Исмаил султанскому наставнику.

Ходжа послушался и исчез. Бурю лучше переждать и оставить Ибрагима наедине с его любимым пажом. Одному Аллаху известно, как юному ичоглану удается оставаться в живых, когда султан так непредсказуем!

Ибрагим, тяжело дыша, выпил воду. Потом давящим взглядом посмотрел на юношу:

– Давно ты был с женщиной? Расскажи!

– Я смотрю на них украдкой, Повелитель, не решаясь приблизиться, – голос Исмаила был вкрадчивым. – Я всего лишь паж, и мне восемнадцать.

– Ты уже мужчина, – хрипло рассмеялся султан. – Я сам это устроил. Тебе понравились мои наложницы? – требовательно спросил он.

– То, что принадлежит повелителю, ни один смертный не вправе желать. Я стараюсь держаться подальше от гарема, чтобы избежать соблазна. Мои женщины – это бывшие султанские жены, которых валиде вызвала сюда, в Топкапы. Глубокие старухи в черном.

– Зачем это мать их вызвала? – насторожился Ибрагим. Он боялся интриг всесильной валиде.

– Чтобы выведать у них секреты. Говорят, ваш предок, султан Мехмед, принимал по несколько наложниц в ночь с пятницы на субботу.

– Что могут знать эти старухи, – презрительно сказал Ибрагим.

– То, чего не знает Джинджи-ходжа, потому что он старик и к тому же мужчина. Да еще ходжа. Как он может понять желания повелителя? Сокровенные желания.

– А ты? – подался вперед Ибрагим. – Что ты о них знаешь?

– Я знаю, что самая сладкая женщина – это самая толстая женщина. Я дал старухам золото, и они разговорились.

– Я хочу их видеть! – оживился султан. – Пусть соберутся в покоях валиде. Я желаю послушать их сказки.

Исмаил украдкой улыбнулся. Повелитель заинтригован. Надо разжечь его любопытство. Вчера ичоглан послал записку сестре: «Ешь как можно больше. Денег не жалей. Не бойся еще больше растолстеть. Скоро…»

Войдя в покои матери, Ибрагим невольно поморщился. Аромат курящейся серой амбры давно уже стал для него привычен, султан с ним сроднился, а в этих покоях витали совсем другие запахи. Нежные, цветочные. Он словно попал в детство, которое ненавидел. Так же пахло от матери, когда она прижимала его, малыша, к своей груди, словно пытаясь защитить. Но кровожадный старший брат был начеку. Став султаном, он истребил всех сыновей Кёсем-султан, кроме самого младшего, которого все считали слабоумным. Да и Ибрагим все время ходил по краю острого, как бритва, лезвия ятагана.

Воспоминания, связанные с детством, Ибрагим ненавидел, вот и сейчас он словно споткнулся: заныла шея, потом виски. Цветочные запахи султана раздражали.

– Здравствуй, мой сын, – валиде протянула ему руку для благословения.

Только ее покои соединялись с покоями султана, так что мать могла прийти к нему в любое время дня и ночи так же, как и он к ней. О том, что Ибрагим сейчас здесь, в гареме не знал никто, даже всесильный кизляр-ага.

Падишах на мгновение прижался лбом к прохладной материнской руке, пахнущей цветами. Стало чуть легче. Виски, которые словно сжимал стальной обруч, перестали так ныть. От руки валиде веяло силой, Ибрагим хотел бы держаться за нее все время. Он и любил мать, и ненавидел ее, подозревая, что против него плетутся интриги. В гареме непрерывно шла война. Старухи в черном были похожи на стаю ворон, слетевшихся на поле боя, усеянное трупами.

Он с ненавистью посмотрел на это воронье, рассевшееся на низких диванах в ногах у валиде, сидящей на троне. И заколебался. Захотелось развернуться и уйти.

– Ребенок Турхан-хатум слаб здоровьем, – остановив его повелительным жестом, сказала валиде. – Другой шехзаде не выжил, и вряд ли Турхан способна еще родить. Династии же нужны воины. Сильные наследники. Воспитанием которых мать должна заниматься. И учиться самой. Хатум нет и двадцати, а она уже забросила уроки чтения и письма. Турхан ленива, сынок. Когда я была любимой женой султана, я находила время не только для своих детей. Муж мой, султан Ахмед, всегда обращался ко мне за советом, и до последнего дня я бывала в его покоях. Говорят, ты больше не зовешь Турхан-хатум на хальвет. Не удивительно. После смерти младшего сына у бедняжки повредился рассудок. Да и не только. Я позвала сюда, во дворец Топкапы, самых искушенных и опытных наложниц. Которым годами удавалось удерживать внимание повелителя, в отличие от твоей хатум. Все они нашли у Турхан изъян.

– И что за изъян? – с интересом спросил Ибрагим. Он еще не решил, остаться ему или уйти?

Жена ему порядком надоела. Она только и делала, что сплетничала, старясь очернить других наложниц, бывающих в покоях султана, и клянчила деньги. Ей все время что-то было надо, хотя Ибрагим и так не скупился на подарки.

– Она слишком уж тощая. Я допросила повара и лекаря. Турхан заметно похудела после четвертых родов. У нее, похоже, больной желудок. Или даже женская болезнь, спаси Аллах! Оттого она такая желчная и злая.

– Истинно так, – загалдели старухи. – Турхан-султан больна по-женски. Она вся высохла изнутри, последний ребенок выпил все ее соки. Она больше не хочет Повелителя как мужчину. Когда родился шехзаде Ахмед, у султанши не было в

груди ни капли молока. Суха, как палка. Она больше не сможет доставить Повелителю удовольствие на ложе любви.

– Эй ты, – султан обернулся, ища глазами служанку. – Щербет мне кизиловый принеси.

Валиде незаметно вздохнула: слава Аллаху! И встала, приглашая сына разделить с ней трапезу. Старухи настороженно затихли, ожидая, когда им дозволено будет заговорить снова.

Ибрагим вглядывался в каменное лицо матери, пытаясь понять: что она задумала? И сколько правды в ее словах? А вдруг его проблемы на хальвете и в самом деле связаны с Турхан-султан, которая изливает на него свою желчь? И заражает своей холодностью. Турхан и в самом деле внутри суха, иногда он видит, как жена стискивает зубы, чтобы не закричать от боли. После ее визита в султанские покои Ибрагиму особенно тяжко, он чувствует себя опустошенным, даже зелья Джинджи-ходжи не помогают. Турхан одними своими словами убивает желание. И лицо у нее все время кислое, а глаза холодные. И даже когда Турхан нет, ее тень словно бы стоит у изголовья, презрительно кривя губы. Отчего Ибрагим не может удовлетворить наложницу. Разве что толстая эфиопка ему помогает, вовремя поднимая повыше факел. Чтобы султану видны были ее огромные бедра и необъятная грудь.

Старухи заговорили, когда султан поставил на поднос служанки опустевший стакан из-под кизилового щербета. Напевно, зазывно, и в то же время вкрадчиво, возбуждая желание у повелителя. Старость неумолима к женщине, но ее голос – все тот же инструмент, на котором искусницы умело играют до самой своей смерти:

– Чем женщина толще, тем она слаще. Она только и думает, что об утехах, и ее влагалище всегда готово принять мужчину. Все дело в размере, великий султан. Необъятных размеров женщина способна подарить такое же недостижимое доселе наслаждение. Чем больше грудь, тем крепче и сильнее будет мальчик, это верный признак плодовитости. Найдите самую большую женщину в Стамбуле, и ваши ночи станут такими яркими, что даже луна, которая любуется с небес на дворец Топкапы, стыдливо спрячется в тучах…

Ибрагим мечтательно прикрыл глаза, слушая старух. Их слова лишь подтверждали его собственные желания. Султан обожал толстух. Он по натуре не был защитником и долго боялся женщин. Его к ним до двадцати пяти лет и не допускали. А когда это случилось, султан не знал, что надо делать, оставшись наедине с наложницей. Эта неуверенность преследовала его до сих пор.

Ибрагим, до смерти запуганный в детстве, сам искал защиты. И с большими женщинами он чувствовал себя маленьким ребенком. Зарывшись в пышную грудь, он оказывался под защитой. Последнее время султану стало хуже. Наркотики разрушали его и без того больную психику. И он еще больше, чем прежде, нуждался в защите. Его давно уже тянуло на толстух. Слова старух он слушал с удовольствием и даже почувствовал желание. Одни только слова о самой толстой женщине в мире возбуждали его больше, чем старания очередной девственницы, которую каждую ночь приводил к нему в покои кизляр-ага после того, как Турхан получила отставку. Сегодня раздраженный Ибрагим наложницу отослал.

Теперь он понял, в чем дело. Ему нужны в гареме толстухи. Такие, как эфиопка, которая на днях куда-то исчезла. Наверняка валиде постаралась.

– И как мне найти эту женщину? – нетерпеливым жестом оборвал он старух. – Девственниц тщательно прячут. Когда еще придут мои корабли с рабынями после того, как я отдам приказ отбирать самых толстых пленниц для своего гарема? А мне не терпится узнать, насколько правдивы ваши слова. Если же вы врете, вас всех казнят, – пригрозил султан.

– Прикажите обойти все общественные бани, повелитель, – сказала одна из бывших султанских наложниц. – В хамаме изъянов не спрячешь. Именно там заботливые матери, которым надо женить сыновей, и ищут невесток. А вы поищите усладу. Толстую женщину, девственницу. Чтобы и лицо ее было прекрасно, и тело.

– Мудрый совет, – рассмеялся Ибрагим и встал. – Мама, награди их. Теперь я знаю, что делать.

… Сын ушел, старухи отправились в гарем, какое-то время они еще побудут здесь, в Топкапы. Чтобы осмотреть отобранных в банях наложниц. А потом отправятся обратно в свое захолустье. Свое дело они сделали. Но валиде еще

долго сидела, прикрыв глаза и напряженно обдумывая события сегодняшнего дня.

Ибрагим какое-то время будет занят поисками девственницы-толстухи и перестанет вмешиваться в государственные дела. А когда найдет ее наконец, то будет занят этой женщиной. Главное, объяснить ей, кому она обязана своим появлением во дворце. Славянскую рабыню Надю, ныне Турхан, испортила сестра султана, Атике, к которой валиде отослала девчонку на воспитание. Вот хатум и заносится теперь. Небось вообразила себя Хюррем-султан! Тайно, а иногда и явно ведет свою партию, мечтая о единоличной власти.

Если новая наложница сумеет стать султаншей, Турхан придется несладко. Пусть эти две гадюки сцепятся меж собой, и та, чей яд окажется смертельным, убьет другую. Пока они сражаются за повелителя, валиде будет царить в Топкапы и по-прежнему править огромной империей. У старости есть свои преимущества: мудрость и спокойствие. А главное, понимание того, что любовь, ревность, зависть – это все пройдет. Мелкие чувства, которые только мешают.

Потому что главное – это власть. То единственное, за что стоит бороться. И она, Кёсем-султан, еще поборется. Потому что умнее нее нет женщины в этом огромном дворце, в гареме, где и решаются дела империи.

Кёсем даже не подозревала в тот момент, что ее, всесильную валиде, перехитрили. И коса скоро найдет на камень. Еще одна умная женщина скоро войдет в Топкапы, который и без того похож на пороховую бочку. И к этой бочке поднесут фитиль. Весом больше ста килограммов, с зелеными глазами.

Начало пути

* * *

Кизляр-аге султан не доверял. Глава черных евнухов, похоже, берет с наложниц бакшиш за приглашение на хальвет. Иначе чем объяснить, что в султанские покои попадают такие робкие неумехи? Которые не знают, как ублажить мужчину. Чему их только учат! Кизляр-ага явно плетет какие-то интриги. Ходят

слухи, что он прячет у себя в комнате женщину! И развлекается с ней. Он, черный евнух, позволил себе сойтись с какой-то белой рабыней! Которая еще и родила мальчика во дворце Топкапы! Чужого ребенка! Кизляр-ага купил ее для гарема как девственницу, а женщина оказалась беременной! Вместо того чтобы ее отослать, глава черных евнухов стал с ней жить и даже усыновил ее мальчика.

Валиде, конечно, донесли, и быть в гареме скандалу. В одну из ночей с пятницы на субботу, которую повелитель по традиции должен провести с женой, Турхан-султан, чтобы позабавить его, раз в постели им делать теперь больше нечего, рассказала Ибрагиму эту историю. От султана всё, естественно, скрывали.

Ибрагим вспылил. Но хитрец кизляр-ага выкрутился, и его женщина стала кормилицей шехзаде Мехмеда. Мальчики так и растут вместе, Ибрагим иногда видит, как они играют в саду. И каждый раз раздражается, потому что сын рабыни крепче, чем Мехмед, и лицо у него приятнее. Когда мальчишки дерутся, как и все маленькие дети, побеждает всегда не Мехмед, а тот, другой, который сильнее и гораздо сообразительнее.

Что касается рабыни, то, по слухам, она по-прежнему живет в покоях кизляр-аги. Который не может с ней расстаться. Турхан недавно на это намекнула, она мечтает избавиться от главы черных евнухов, который отбирает для ложа султана ее соперниц. Сплетни хасеки Ибрагима все больше раздражают так же, как и она сама. Валиде в чем-то права.

Ничего-то Турхан не умеет! И ребенка родила слабого, а ведь он наследник, будущий правитель Османской империи!

Поэтому султан и загорелся, услышав слова старух. Чем толще женщина, тем она слаще и добрее, и сыновей она родит здоровых и сильных, потому что у нее всего много. Огромная матка выносит богатыря. Который заменит хилого щенка Мехмеда. Ибрагим уже не мог о нем слышать.

Разумеется, по общественным баням пойдут калфы, смотреть девушек. Но без кизляр-аги не обойтись. Он в гареме главный, и ему отбирать потом лучших девушек. Но экспедицию в бани возглавит тот, кому единственному Ибрагим безоговорочно доверяет…

– Исмаил!

Он словно ждал. Его преданность и готовность услужить султана всегда приятно удивляли. Либо ичоглан хитрец и лицемер, каких мало, либо и в самом деле видит смысл своей жизни в служении династии и правителю. Пока Исмаил своего повелителя ни разу не разочаровал.

– Жду ваших приказов, мой султан, – низко склонился ичоглан.

– Завтра четверг, женщины будут мыться, и общественные бани заполнятся красавицами. Я хочу, чтобы туда отправились калфы. Пусть отберут самых толстых девственниц. И из них самых красивых. Мне сказали, что толстые женщины самые охочие до любви.

– Гаремом управляет кизляр-ага…

– А я правлю империей! Мое желание – закон! И я желаю, чтобы этим занялся ты! Я больше не доверяю кизляр-аге после этой истории с беременной наложницей! Которая до сих пор здесь, в моем дворце, и пользуется покровительством моего главного евнуха. Он, похоже, не может отличить толстую женщину от беременной, – презрительно сказал султан. – Поэтому на них посмотришь ты перед тем, как привезти во дворец. Пока наложница не попала в мой гарем, она не стала моей женщиной. И ты можешь на нее смотреть. Если только она не слишком робкая. Достаточно того, что у нее будут красивые глаза. И то, что пониже шеи, оценю я сам, – султан расхохотался.

– Как прикажете, повелитель. Завтра во все общественные бани отправятся калфы. Они осмотрят девушек на предмет физических изъянов, и с теми, кого они отберут, я лично побеседую. Чтобы оценить их ум.

– Ступай! Принеси завтра радостную весть своему султану! – оживился Ибрагим.

Приказ повелителя Исмаил передал кизляр-аге с тайной усмешкой. Он знал, что сейчас будет буря.

– Много на себя берешь, щенок, – зашипел огромный чернокожий евнух. Исмаилу показалось, что над ним нависла черная туча. – С каких пор ты распоряжаешься

в гареме?! Ты себе скоро шею сломаешь, я тебе обещаю! У тебя даже могилы не будет!

– У каждого есть тайны, – насмешливо сказал Исмаил. – Твоя мне известна, а вот моя тебе нет. Если не хочешь расстаться с любимой игрушкой, остерегись.

– Да кто ты такой, чтобы мне угрожать?! – надвинулся на него кизляр-ага. – Мальчишка, какой-то паж! Да я тебя в порошок сотру!!!

– Кизляр-ага! – раздался вдруг гневный окрик.

Оба резко обернулись. Фатьма-султан! Исмаил чуть не рассмеялся. Сестра повелителя за ним и впрямь приглядывает. Он и сам бы мог за себя постоять, но при таком покровительстве его могущество безгранично.

– Подойди сюда! – сверкнула глазами Фатьма-султан.

Нижняя часть ее лица была прикрыта чадрой, но Исмаил отметил, что глаза у султанши большие и красивые. А кожа холеная, белая. Рыжеволосая Хюррем-султан передала своим потомкам эту кипенную бледность. Султан Селим, от которого продолжился род, был очень похож на мать.

– Как смеешь ты оспаривать приказы повелителя! И противоречить валиде! – грозно спросила Фатьма, когда тучный евнух склонился перед ней так низко, как только смог при своей комплекции.

– Так это сиятельная валиде распорядилась найти в общественных банях новую наложницу для султана? – пролепетал кизляр-ага.

– Это обсуждали на совете члены нашей семьи, – величественно сказала Фатьма-султан и скосила глаза на красавца-пажа. – Исмаил находится под нашим покровительством. Валиде и… моим.

Исмаил чуть не крикнул: молчи! Вот наивная! Вон как напряглась его толстая черная шея! Голова склонилась, но Исмаил заметил, как черный евнух моргнул, чтобы скрыть блеснувшие глаза.

Когда Фатьма ушла, кизляр-ага еле слышно прошептал, проходя мимо наглого пажа:

– Теперь и твоя тайна мне известна. Берегись, ичоглан! Моя женщина рабыня, а твоя возлюбленная – султанша. За это рубят головы, не одна уже полетела. В паши метишь, мальчишка. Только что на это скажут сами паши.

«Мне конец, если Ашхен не станет наложницей султана, – Исмаил хмуро посмотрел на сверкающий перстень, подарок повелителя. – За наши переглядки с Фатьмой-султан верная казнь. Ашхен умная, она придумает, как мне избавиться от этого урода. Главы черных евнухов. Сам я не справлюсь после того, как он узнал мою тайну. Что я мечу в зятья самого султана. Я пока никто. Ашхен поможет мне возвыситься, если они объединятся с Фатьмой. Все решает Повелитель. Кому пожаловать руку своей сестры. И ввести в Совет».

Главное Исмаилу удалось: он добился, что отбирать наложниц для гарема будет сам. Ибо, как сказал султан, кизляр-ага не в состоянии отличить толстую женщину от беременной. Главный, кто мог помешать их с Ашхен плану, устранен. Теперь надо позаботиться о том, чтобы сестру заметили калфы.

* * *

Получив записку брата, Ашхен разволновалась: наконец-то! Час настал! Братик молодец, не подвел. Бог знает, как ему это удалось, но у Ашхен появился шанс попасться на глаза султану. Но сначала надо понравиться калфам.

Ашхен придирчиво осмотрела себя. За эти несколько месяцев в Стамбуле ей удалось отъесться и вернуть глазам и волосам прежний блеск. Кожа опять стала белоснежной и гладкой, грудь и бедра налились. На нее все оборачивались, когда она появлялась на рынке: другой такой толстухи в округе не было. Если для султанского гарема ищут толстых девственниц, то сплетня все равно дойдет куда надо. Потому что Ашхен уже называют самой большой девушкой в Стамбуле. Насмехаются и задаются вопросом: сколько же надо денег, чтобы этакую прорву прокормить? Спасибо Баграту, он старается, денег отцу и сестрам не жалеет. Но о том, что они брат с сестрой, надо забыть накрепко.

Ашхен торопливо сожгла записку брата и стала готовиться. Поход в баню для всех стамбульских женщин – это праздник. Бедные, богатые, они все находят несколько мелких монет, чтобы раз в неделю помыться, да и плата за вход в хамам мизерная. Есть те, что подороже, отделанные мрамором, с бассейнами и фонтанами, а есть дешевые, для бедняков, но и там воды вдоволь, а парную топят на совесть. Многие женщины проводят в хамаме целый день, надевают для похода туда самые красивые свои одежды, берут вышитые полотенца, фрукты, сладости. После бани пьют ягодные щербеты, угощаются медовым йогуртом, он лучше всего помогает восстановить силы после жаркой парной и массажа, и, конечно, женщины часами сплетничают. Обмениваются новостями, а матери подросших сыновей присматриваются к юным девственницам, обсуждают будущих невест со своими товарками.

Баграт написал, что сестре следует пойти в баню Хюррем-султан, самую знаменитую в Стамбуле и роскошную. Именно там в первую очередь будут искать наложницу для султанского гарема калфы. Толстые женщины – это сытые женщины. А бедняки вечно голодны. В бани Хюррем-султан ходят состоятельные горожанки и их дочери. Денег на эти бани не пожалели, они единственные, где есть мужское и женское отделение, в каждое – отдельный вход. Бани всесильной некогда султанши отделаны мрамором и кедром, краны золоченые. Говорят, падишах Сулейман Великолепный распорядился построить эти бани после того, как на его любимую было совершено покушение. В фонтан, к которому каждое утро приходила Хюррем освежиться, ее враги запустили ядовитую змею. Султанше чудом удалось избежать ее укуса и смерти, и султан распорядился фонтан разрушить, а на его месте построить баню.

Итак, завтра четверг! Ашхен попыталась успокоиться. Все, что ей надо сделать – это попасться на глаза калфам. Обнажаться полностью в хамаме нельзя там, где ты не одна. Ни в холодной комнате, ни в горячей. Значит, надо взять тонкие шелковые полотенца, чтобы, намокнув, они облепили все тело, подчеркнув его формы. Ашхен любовно огладила тонкую для своей комплекции талию. А что? Хороша! В хамаме ничего не спрячешь, особенно когда волосы и полотенца намокнут. Глаз у гаремных служанок зоркий. Они придирчиво будут осматривать девушек. Ашхен предстоит выдержать жесткую конкуренцию.

Седа увязалась с ней. Разве могла она пропустить поход в хамам, главное развлечение для женщин здесь, в Стамбуле? После деревни Седа не скоро освоилась в столице, чуть ли не месяц боялась выйти из дома. Все ее пугало: шумный рынок, горожане в богатых одеждах, особенно молодые мужчины в

дорогих кафтанах, аги, эфенди и беи. А еще по улицам Стамбула ходили янычары, а Седа до смерти боялась военных. Но в компании с сестрами она могла пойти куда угодно.

Ашхен с Багратом не посвящали старшую сестру в свои планы. Седа болтушка и к тому же недалекого ума. Она и в самом деле думает, что они идут в баню, а не на смотрины. Пришлось взять и младшую, Карине. Зато выглядит все естественно: сестры, как и все стамбульские женщины, идут сегодня в баню. Даже не подозревая о том, что именно сегодня там будут отбирать наложниц для султанского гарема. Попасть туда почетно, это означает сытую беззаботную жизнь и шанс стать султаншей, матерью шехзаде и даже валиде, если твой сын взойдет на трон. А если не случится и падишах за девять лет ни разу не позовет наложницу на хальвет, ее с почетом выдадут замуж. С большим приданым.

Ашхен зашла в раздевальню и перед тем, как скинуть свою одежду и надеть деревянные башмаки, чтобы не обжечься в парилке, стала придирчиво осматривать соперниц. Она не переживала, что пропустит визит главной калфы. Именно ее со служанками отрядили сегодня в бани Хюррем-султан. Надо терпеливо ждать, вот и все. Хоть до вечера. Седа и Карине только рады будут весь день бездельничать. Лакомиться шербетом и фруктами и слушать, о чем говорят замужние женщины. Тут такое можно услышать! К тому же Седа не прочь покрасоваться перед ними. Ей давно пора замуж.

– Ну и толстуха! Аллах, да будь милостив к ее родителям, как такую замуж выдать?

– Да это же всем известная Ашхен, дочь лавочника, армянина, что торгует на здешнем рынке посудой. Самая толстая женщина в Стамбуле. Ну и обжора!

Говорили громко, не стесняясь. Ашхен обернулась: на нее с интересом смотрели две турчанки, обе уже в возрасте. Сразу видно, что сплетницы. Ашхен неторопливо повернулась к сестре:

– Седа, помоги. Расстегни мне платье.

– Такой служанка нужна! – не унимались будущие свекрови. – Ее содержать, да еще и слуг! Разве что султану такое под силу. – И они одобрительно посмотрели на сестер Ашхен: – Вот эти не подкачали, особенно младшая. Жаль, что

неверные.

– Бисмиллях, – пискнула вдруг Карине. Старшая турчанка всплеснула руками:

– Ты смотри, какая умная девочка! Как тебя зовут?

– Карине.

– Ты армянка? Христианка?

– Да. Но моя старшая сестра читает вслух Коран! – с гордостью сказала глупышка Карине.

– Ну а грамоте ты обучена?

– Да. Пишу и читаю по-турецки. Немного, – потупилась Карине.

«Научила на свою голову», – с досадой подумала Ашхен. «Эдак эти две тетушки к нам привяжутся. Так и будут ходить следом».

– Идем! – она потянула Карине за руку в холодную комнату.

Там было очень красиво! И сама комната огромная! В центре журчал фонтан, вдоль стен стояли широкие мраморные скамьи. Из-под купола лился свет: окна были наверху. Именно здесь, в самой холодной из трех комнат, женщины отдыхали после парной и занимались своей внешностью: стригли ногти, делали массаж, удаляли нежелательные волоски на теле. Здесь же угощались. Пока народу в холодной было немного, гораздо меньше, чем в теплой комнате и в горячей, парной. Которая топилась с ночи, и дрова подбрасывали в печь непрерывно, вплоть до закрытия бани. Даже пол там, в парной, обжигал, для чего и нужны были деревянные башмаки. Там же в клубах горячего пара женщин мыли, очищая их кожу жесткой рукавицей, а потом смывали грязь и струпья обильной мыльной пеной, закутывая в нее, словно в кокон. Наносить эту пену быстро и ловко было особым искусством, поэтому опытные банщицы ценились на вес золота. На бакшиш для них не скупились.

Из парной женщины выходили, словно заново рожденные. Карине, которая не любила жару, закапризничала.

– Смотри, не видать тебе богатого жениха, – насмешливо сказала Седа, обиженная вниманием двух явно знатных турчанок к младшей сестре. И Карине притихла.

Изнемогающие под руками опытных банщиц и полные сладкой истомы женщины изподтишка рассматривали друг друга, ловя момент, когда с самых укромных мест спадет шелковое полотенце. Жадные взгляды скользили по особенно пышным и высоким грудям с огромными коричневыми сосками, по лобкам, поросшим густыми курчавыми волосами. Ревниво разглядывая чужие прелести, особенно юные, многие откровенно радовались, что их жизнь устроена. Богатое приданое с лихвой компенсирует красоту, которая, слава Аллаху, скрыта от глаз мужчин чадрой. Будущей свекрови решать, готова ли она принять в свой дом красивую, но бедную невестку. Сын узнает о ее достоинствах лишь со слов матери. А в брачную ночь, да еще после долгого воздержания все кошки серы.

…Ашхен заметила ее не сразу. Женщина в расшитых золотом и явно дорогих полотенцах придирчиво ощупывала ее взглядом. Две других перешептывались о чем-то с пожилой турчанкой. Чуткий слух Ашхен уловил:

– Да, хатум, это она. Самая толстая женщина в Стамбуле.

Калфа не стала ходить вокруг да около. Как только Ашхен направилась в холодную, поспешила за ней. Ашхен присела на мраморную скамью, якобы перевести дух, и калфа мгновенно очутилась рядом. Спросила строго:

– Ты девственница?

– Да, – Ашхен скромно опустила глаза.

– Смотри, в гареме это проверят. Прежде всех тебя осмотрит лекарь.

– В каком еще гареме? – притворно удивилась Ашхен.

– В раю, где девушки, будто птички, только поют от счастья и наслаждаются жизнью, – закатила глаза калфа. – Только попасть в этот рай непросто. Говорят, тебе шестнадцать, – она с недоверием посмотрела на Ашхен.

– Да, – она опять опустила глаза. Сердце тревожно билось. На самом деле ей уже был двадцать один год! Но брат достал подложные документы. Отца и сестер калфы вряд ли будут допрашивать, да и не в интересах родных Ашхен говорить правду. О деревне, где остались Ашот с Шагане и могила их матери, забыто.

– А выглядишь ты старше, – покачала головой калфа. – Может, это из-за твоей чрезмерной полноты? Я бы сказала, что ты уже зрелая девушка, но именно твоя толщина и будет твоим пропуском в рай. Если ты, конечно, понравишься любимому ичоглану Повелителя. Окончательное решение за ним. Дурочки в гареме не нужны. Ты должна уметь поддерживать беседу и правильно подавать султану розовую воду для омовения рук, халат и тапочки. Не говоря уже о науке любви, – калфа поджала губы. – Да справишься ли ты?

– Пусть это решит тот, кому наш султан доверяет, – скромно сказала Ашхен.

– Тогда ступай с моей служанкой. Надеюсь, ты закончила мыться?

– Я хотела выпить ягодный шербет, – Ашхен невольно облизнула губы. Есть она хотела всегда, а тут уже три часа – и ни маковой росинки. Только хотела закусить, как объявилась главная калфа.

– Не беспокойся: сладостей у тебя будет сколько угодно. Тебя отвезут во дворец, к другим девушкам, которых сегодня отобрали. Веди себя достойно, в склоки не ввязывайся, калфам не дерзи и попробуй понравиться кизляр-аге. Он тоже будет вас смотреть. Это глава черных евнухов.

Сердце у Ашхен екнуло. Этой встречи она боялась, Баграт часто жаловался на козни главного черного евнуха.

«Мне надо его перехитрить», – подумала Ашхен, насухо вытираясь вышитым полотенцем.

– Когда вы с Карине отдохнете и наедитесь сладостей вволю, отведешь ее домой, – велела она старшей сестре. – Меня не ждите. Отцу скажи: меня увезли в султанский дворец. Мы теперь долго не увидимся.

– Как во дворец? – жадно спросила Седа. – Зачем?

– Отбирают новых наложниц для гарема Повелителя.

– Ты? В гарем?! – Седа рассмеялась. – Ты же толстая! Тебя до сих пор замуж никто не взял! Ты никому не нужна! Перестарок!

– Прикуси язык. Если еще хочешь выйти замуж за богача. И ты, и Карине должны молчать. На вот тебе, – и Ашхен отсыпала в руку сестры несколько монет. – Заплати банщице и сделай себе и сестре массаж. И пусть тебе как следует намажут патокой ноги, – насмешливо сказала она. – А то они у тебя волосатые, как у мужчины.

Волосы на ногах у Седы и впрямь были чрезмерно густые и черные в отличие от ее младшей медноволосой сестры. Седа от обиды вспыхнула. Но Ашхен уже шла к выходу в сопровождении служанки.

У дверей их ждала карета. Ашхен чинно села, заняв все заднее сиденье и чуть ли не все пространство небольшого возка, служанка еле смогла пристроиться напротив.

– И что хорошего в толстухах? – недовольно проворчала она. – Еще одна прихоть валиде, которая уж и не знает, чем еще развлечь нашего повелителя. Во дворце ты надолго не задержишься.

«Уж гораздо дольше, чем ты, – мысленно усмехнулась Ашхен. – Ты будешь первая в моем списке. Из тех, от кого я хочу избавиться. Будешь гнить в Старом дворце, прислуживая старухам и прозябая в нищете. А могла бы купаться в золоте. Но ты ведь дурочка. Мне такая служанка не нужна. Ты уже сказала, что думаешь о таких, как я, когда тебе следовало держать язык за зубами».

Карета тронулась. Ашхен впервые почувствовала себя важной птицей и постаралась, чтобы сердце не билось так громко. Надо держать себя в руках

перед нелегкой встречей с кизляр-агой. Эта дорожка во дворец еще такая неверная. А в султанские покои и вовсе призрачная. Не говоря уже о дороге к безграничной власти, которую им с Багратом предстоит расчистить.

Ашхен с ужасом вспоминала те годы, которые прожила в нищете. Тяжелую работу и мрачного от горя отца. И вечное чувство голода, которое не давало ей заснуть по ночам. Еда… Много еды… И вкусной еды… А еще шелковые платья и уютные широкие диваны со множеством по- душек. Прохладные шатры в саду, где, как в раю, поют птицы… И золото… Много золота…

Ашхен поняла, что не успокоится, пока не набьет им свои закрома. Так, чтобы хватило до конца жизни. И ради этого она готова пойти на все…

* * *

Когда и вторые ворота Топкапы за Ашхен закрылись, ей стало страшно. Она не ожидала, что султанский дворец так роскошен и огромен. Ашхен испугалась, что заблудится здесь и свалится в какой-нибудь потаенный каменный мешок. И сгниет там заживо. Или ей помогут заблудиться. Баграт сказал, что у него здесь много врагов. Не меньше их и у султанш, даже у самой валиде. Это хоть и роскошное, но жуткое место. Где в каждых покоях плетутся заговоры.

– Что заробела, толстуха? – насмешливо спросила приехавшая с Ашхен служанка. – Любуйся, пока тебя не выгнали отсюда. Ты жалкая ленивая девка, да еще и распустеха.

На нее смотрели с презрением: одежды, которые Ашхен считала праздничными, здесь, за воротами золотого дворца, выглядели бедно. Даже служанки самого низшего ранга выглядели наряднее нее. И уж, конечно, ухоженнее.

– Понавезли всякий сброд, – презрительно сказала очень красивая юная женщина, проходя мимо шеренги притихших толстушек в сопровождении нарядной служанки, которая задирала нос так же высоко, как и ее госпожа.

– Кланяйся, это султанша, – ткнула в бок Ашхен стоящая рядом калфа. – Одна из жен нашего повелителя.

– Какая уродина! – задержалась возле Ашхен султанша. – Вы только посмотрите на нее! Это же слониха! Кто ее только выбрал!

– Приказ самого Повелителя, госпожа, – низко склонилась калфа. – Это он приказал привезти во дворец самых тучных девственниц.

– Да, может, она просто беременная! Здесь вечно путают честных девушек с гулящими!

Ашхен краем глаза заметила огромного черного мужчину, который застыл в дверях. И его взгляд, полный ненависти, когда он услышал слова султанши.

– А ты, выходит, тощая султанша, – задиристо сказала Ашхен. – Боишься, как бы не заняли твое место в покоях мужа. Лучше уж ты была бы толстой, тогда подумали бы, что беременная, и ты бы здесь еще ненадолго осталась.

– Что-о?! Ты мне дерзишь?! Да как ты смеешь!! – султанша замахнулась, но Ашхен ловко уклонилась от пощечины. Главное, что кизляр-ага все слышал. Это в его огород полетел камень. Слух о том, что главный евнух усыновил ребенка, рожденного в гареме рабыней, которую кизляр-ага посчитал девственницей, гулял и по Стамбулу.

– Накажите ее! Немедленно! – закричала султанша.

– Девушка еще не входит в гарем Повелителя, госпожа, – в голосе калфы была насмешка. – Она свободная горожанка, дочь торговца, а не рабыня, которой были вы, когда попали во дворец.

– Ты и сейчас рабыня, – поддела султаншу Ашхен.

– Я буду жаловаться Повелителю! – вскинула голову та и направилась к выходу. Служанка засеменила за ней.

В дверях женщины столкнулись с главой черных евнухов.

– Салиха-султан, – небрежно поклонился тот. – Не хотите узнать, как чувствует себя шехзаде Сулейман? Маленькие дети так часто болеют.

Султанша чуть ли не бегом понеслась по длинному коридору в свои покои.

– Третьей хасеки приходится несладко, – поцокал языком кизляр-ага. – Все так ненадежно, когда есть старшие жены и у каждой по сыну. Любое недомогание маленького принца может оказаться роковым. И вот ты уже не хасеки, а забытая надоевшая жена в Старом дворце. Султан больше не зовет Салиху-хатум в свои покои. Кто-то другой должен занять место в его сердце. Вот ты, – он шагнул к Ашхен. – Ты дерзка. Но хороша, – кизляр-ага одобрительно оглядел ее пышные формы. И вдруг подозрительно спросил: – А ты, часом, не ребенка ждешь?

– Как вы смеете! Я девственница! – вспыхнула Ашхен.

– Все вы так говорите. Первое, куда вы все направитесь, это на осмотр. Сначала должна подтвердиться ваша девственность. Потом вами займется Исмаил-ага, который лично побеседует с каждой. И уж потом…

Ашхен вздрогнула: рядом раздался какой-то шум. Она обернулась и увидела, что одна из отобранных сегодня в бане девушек упала в обморок. Кизляр-ага был так страшен и грозен. Ашхен поняла, что запугивать здесь умеют.

«Скорей бы увидеть Баграта!» – подумала она. Но сначала надо было пройти унизительную процедуру проверки девственности. Ашхен никогда не была с мужчиной, но все равно волновалась. Она слышала всякое. Бывает, что девочка рождается с дефектом плевы или ведет себя неправильно, лазает по деревьям, к примеру, рискуя напороться на сук, а могут и просто оболгать. Закон на этот счет жесток, на памяти Ашхен одну новобрачную в их деревне наутро забили камнями. Причем мать божилась, что воспитывала девушку в строгости, да и свидетелей ее грехопадения не нашлось. Но слово мужа, а также простыня без пятен крови – закон.

Ашхен до сих пор в ужасе вспоминала вопли несчастной. Это была самая страшная казнь, которую только можно было себе вообразить! Под конец из груды камней торчала лишь изуродованная и окровавленная девичья рука – зрелище, которое Ашхен гнала от себя прочь каждый раз, как говорили о проверке девственности.

Нет, ей, конечно, такое не грозит, ее не замуж берут, а в гарем. Непригодных просто отправят обратно, выставят за ворота – и все. Но кто знает? Баграт говорил, что кизляр-ага – жестокое чудовище. Здесь, во дворце Топкапы, над женщинами, которых считают падшими, издеваются особенно изощренно.

И снова перед глазами – каменный мешок без окон, с ледяными стенами и полом. Ни крошки еды и ни капли воды. Мучительная медленная смерть. Ашхен невольно вспомнила голод, раздирающий все ее тело, от пустого желудка до коченеющих ног. Тошноту, подкатывающую к горлу, и едкую горечь во рту. Кажется, что желчь, не находя ни крошки еды, начинает переваривать сам желудок. Ашхен передернулась, вспомнив эту дикую боль.

«Если умереть, то быстро и без боли», – мучительно думала Ашхен, ложась на узкую кровать, по обеим сторонам которой стояли женщины из гарема и высоко задирали будущим наложницам юбки. Старухи в черном ощупывали ее взглядами, отыскивая изъяны, каждый кусочек ее пышного тела. Особенно цеплялись их ледяные, похожие на буравчики глаза за низ живота и разведенные широкие бедра лежащей на кровати женщины, словно старухи хотели проникнуть туда, внутрь. Ашхен не знала, кто они, но судя по тому, как лебезят перед ними калфы, птицы важные.

– Ай! – она невольно вскрикнула.

Ей было больно, матка невольно сжалась. Холодная сухая старческая рука легла на живот и с силой надавила.

В довершение к унижению с Ашхен не церемонились, грубо запуская пальцы в самое сокровенное и чувствительное, туда, где все сжималось от малейшей попытки вторжения.

– Ну же! Расслабься, да ноги пошире раздвинь! – прикрикнула на нее одна из старух. – Небось рожать хочешь!

Они закаркали, как вороны, Ашхен попыталась думать о чем-нибудь приятном, например, о барашке на вертеле, истекающем мясным соком… О целом блюде медовой пахлавы… О жирном плове, где в ароматном янтарном рисе зарылась нежнейшая перепелка, каждую косточку которой можно обсасывать, наслаждаясь вкусом…

– Вставай!

Она поспешно закрылась юбками и вскочила. Сердце замерло.

– Девственница, – одобрительно переглянулись старухи.

– Перестарок, – с сомнением покачала головой одна из них. – Не верится, что ей только шестнадцать.

– Ее бумаги проверит Исмаил-ага. Если девушка лжет, ее разоблачат, не сомневайтесь. Слышишь, ты? – на Ашхен смотрели круглые, как у совы, глаза. Старухин нос тоже был похож на клюв. – Тебе точно шестнадцать?

– Я не вру, – Ашхен постаралась думать о брате.

Через что ему пришлось пройти в этом дворце, прежде чем попасть в покои Повелителя?

– Ступай, – кивнула старуха. – Исмаил-ага ждет тебя.

Но выйдя из комнаты, где осматривали новых наложниц, Ашхен чуть не наскочила на кизляр-агу.

– Куда так спешишь, красавица? – черный евнух цепко взял ее за плечо. – Как тебя зовут?

– Ашхен, господин.

– Армянка?

– Да.

– Неверная?

– Я читаю Коран, свободно не только говорю, но и пишу по-турецки.

– И откуда ты взялась такая умная? – евнух сверлил ее взглядом.

Ашхен почувствовала, что ворота дворца запросто могут захлопнуться для нее навсегда, едва она успела сюда войти. Здесь ее смерть, а вовсе не богатство и слава.

– У меня старшая сестра, перестарок, – торопливо заговорила она. – Вы можете проверить, господин. Я просто хотела ей помочь. Девушке, которая читает Коран и говорит по-турецки, жениха найти проще. Говорят, что я умная. Мне легко дается грамота.

– А что, неверные вам уже не подходят? – насмешливо спросил кизляр-ага. – Или армяне вас не берут замуж?

– Не берут, господин, – честно сказала Ашхен. – Я слишком толстая, а моя сестра некрасива. Женщине, которой не повезло родиться красавицей, надо заботиться о том, как выбиться в люди своим умом.

– А ты, я вижу, в этом преуспела, – продолжал сверлить ее глазами главный евнух. – А что было бы, если бы тебе сегодня не повезло? Девушка с твоей внешностью не могла попасть в султанский гарем при прежних порядках. Когда сюда отбирали только красавиц. Хотя, надо признать, ты хороша собой. И кожа у тебя чистая. Волосы красивые, бедра налитые, – он со знанием дела ощупал Ашхен взглядом. – Что ж, добро пожаловать в Топкапы.

– А если Исмаил-ага не разрешит мне здесь остаться? – прикинулась овечкой Ашхен.

– Исмаил-ага, Исмаил-ага, – проворчал главный евнух. – Мальчишка. Ты ему не понравишься, потому что ты – толстуха. А он проводит время с красотками, когда удается улизнуть в город. Мальчишка развратен, но Повелитель ему потакает. Но это до поры. Я его все равно уничтожу, – прошипел кизляр-ага, и Ашхен стало страшно. – Я сам представлю тебя валиде. Вот если ты не понравишься ей, твои дни в Топкапы сочтены. Ты попала в число отобранных мною лично девушек, Исмаилу-аге придется с этим считаться.

Ашхен торопливо опустила глаза. Она ликовала. Хорошо бы еще Баграт ей подыграл.

Брат стоял, отвернувшись к окну. Только что из комнаты вышла одна из девушек.

– Еще одну овцу привели? – резко обернулся он. – Где вы только набрали этих пустышек?! – он раздраженно уставился на Ашхен.

«Молодец, – взглядом сказала она. – Накричи на меня».

– Девушка умеет читать и писать по-турецки, – кизляр-ага слегка подтолкнул ее в спину. – Кланяйся, глупая.

– Да что ты говоришь? Нашлась хоть одна толковая среди этого стада? Обучать ее некогда, Повелитель скоро потребует новую наложницу к себе в покои, – сурово сказал Исмаил, стараясь не смотреть на Ашхен, чтобы не выдать себя.

– Эта, похоже, сообразительная. Недели хватит, чтобы ее подготовить. В следующую пятницу она войдет в покои султана.

– Как тебя зовут? – Исмаил, или Баграт, наконец-то посмотрел на Ашхен.

– Ашхен, господин, – она грациозно присела. Этот поклон Ашхен репетировала часами, пока томилась в ожидании встречи с султаном.

– Недурно.

– Она самая толстая из всех, кого привезли сегодня во дворец.

– Меня называют самой толстой женщиной в Стамбуле, – тихо сказала Ашхен.

– Пока сюда привезут рабынь, пройдет не один день. Быть может, даже месяц, – Исмаил притворно вздохнул. – В мире найдется женщина и потолще, чем эта. Но пока и она сгодится. К тому же не только говорит, но и пишет по-турецки, если не врет.

– Я не вру, господин, – Ашхен повторила поклон.

– Смотри, какая красавица, – похвалил ее кизляр-ага. – И двигается хорошо. Когда еще этих новых рабынь научат манерам. Да еще и немы, как рыбы. Поймет ли девушка, которая не знает языка, что хочет от нее султан? Будем готовить эту.

– Но что скажет валиде? – с сомнением сказал Исмаил.

– Она будет довольна, когда увидит такой поклон. Я представлю ей девушку сегодня же вечером.

– Что ж, – Исмаил сделал вид, что сдался.

«Когда же у нас появится возможность поговорить? – с тоской подумала Ашхен. – Мне будет трудно без его советов. Мне понадобится верная служанка. Которая будет носить записки моему брату. Что, если попросить султана прислать ко мне одну из сестер? Сначала надо попасть в его покои. Хотя бы один раз».

– Идем, – кизляр-ага повернулся к ним спиной.

Ашхен почувствовала, как брат легонько сжал ее руку. Она ожидала, что Исмаил вложит в нее записку, но тот лишь дал понять, что все идет по плану, и тут же сделал шаг назад. Ашхен все поняла. Слишком опасно. Если их заподозрят в сговоре, всему конец. У брата здесь много врагов, одного, самого главного, им удалось сегодня провести. Но в гареме всем заправляет не ичоглан Повелителя, а его главный евнух.

Им надо будет от него избавиться как можно скорее. Мысленно Ашхен внесла еще одно имя в свой список: кизляр-ага. День еще не закончился, а в этом списке уже два смертельных врага. Что-то будет вечером?

Ашхен попыталась представить себе валиде. Говорят, Кёсем-султан все еще красавица. И именно она правит этой огромной империей. Ей нужна новая игрушка для сына, чтобы отвлечь его от государственных дел.

Но золото лишь у того, у кого власть. Эту власть надо отобрать у всесильной Кёсем-султан. Брат сказал, что это уже пыталась сделать Турхан-султан, мать

наследника. Ашхен придется вклиниться между ними, валиде и главной хасеки, чтобы отщипнуть свой кусок пирога. А может, забрать и весь пирог.

* * *

Валиде нездоровилось. С утра ее знобило, и она приказала служанкам приготовить хамам. Но от жары вдруг невыносимо разболелась голова, массаж не помог, и Кёсем-султан в раздражении отослала бестолковых рабынь. Она не хотела думать о возрасте, о том, что эти приливы и перепады настроения – следствие того, что она стареет. Все это мешало ей думать о государственных делах. А подумать об этом стоило.

Много лет ей удавалось держать власть в своих руках, подчинить себе всех. Мурад, первый из ее сыновей, который стал султаном, был одержим войной. Мурад кровавый, который перед смертью пожелал, чтобы династия Османов на нем пресеклась. Кёсем знала, что ее сын хотел посадить на трон Крымского хана. Ей едва удалось спасти самого младшего своего шехзаде, слабоумного Ибрагима.

Ей понадобилось чудо, чтобы приобщить его к обществу женщин и заполучить наследников, мальчиков. Ибрагим повредился умом, пока был заперт в Клетке. Джинджи-ходжа, этот развратник и черный колдун, нашел способ. Если раньше Ибрагима было не загнать на супружеское ложе, то теперь он только и занимается производством наследников. Его извращенный мозг ищет всё новые способы удовлетворить ненасытное тело.

Кёсем-султан давно уже начала нервничать. Безумства Ибрагима выходят из-под контроля. Если первые годы его правления прошли гладко, то теперь зреет бунт. Кёсем до сих пор с содроганием вспоминала кончину султана Османа, своего пасынка. Первого султана, на которого чернь подняла руку! С тех пор все полетело в тартарары. Только Мурад, внушающий народу ужас, смог железной рукой подавить недовольство, пролив реки крови.

Но Ибрагим – не Мурад. Он слаб умом, да и телом тоже. Ибрагим не воин, янычары его не уважают и уж тем более не боятся, как Сулеймана Великолепного или того же Мурада Кровавого. Слабый султан – беда империи. Удовольствия – вот все, чего хочет Ибрагим. Государством управляет она, Кёсем-султан. Но она теряет преданных людей, ей даже пришлось пожертвовать

главным визирем, который сгладил недовольство в первые годы правления султана Ибрагима первого.

Ее младший сын погряз в разврате. Гарем, откуда и управляют огромной империей, превратился в улей, полный жалящих пчел.

Эти его хасеки… Их слишком уж много. Ибрагим любвеобилен, и каждая из его женщин считает, что может занять место валиде. Коль у нее есть сын, шехзаде. Мехмед, Сулейман, Ахмед… Как понять, кто из них так же, как и его отец, слаб рассудком, а из кого получится сильный правитель? Слава богу, шехзаде еще малы и до этого далеко. Нужен сильный регент, который удержит империю в руках при малолетнем султане. А об этом уже стоит всерьез подумать…

Валиде потерла пальцами ноющие виски, потом переносицу. Тут нужна женщина. Даже безумным мужчиной можно управлять, если держать в руках ключ от его желаний. Но для этого нужен недюжинный ум. А умная хасеки – опасная соперница. Турхан еще юна. Может, все же сделать ставку на шехзаде Мехмеда? Другие дети Ибрагима совсем еще крохи. Младенца на трон Османов?! Того же Сулеймана. Кёсем-султан всерьез задумалась. Наследникам нужно хоть немного подрасти. Следовательно, ей нужно время. Хотя бы несколько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/natalya-andreeva/bunt-osmanskoy-zolushki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити